Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ФЕВРАЛЯ 4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 80017. Москва. Тираж 83.500 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

Партийная линия и оппозиционные зигзаги.

Февральский Пленум Центрального Комитета собрался в период, когда с достаточной степенью ясности обрисовалась общая обстановка в стране, когда с надлежащей полнотой определились характерные сдвиги и процессы и в хозяйстве и в политике, когда то, что было раньше предметом жарких споров, стало возможным подвергнуть суровому экзамену жизни, подвести баланс нашему росту и выявить направление дальнейшего развития.

Теперь видно всякому, *какое* установилось соотношение между основными элементами хозяйства и между классами и, *как* менялось это соотношение в предыдущую фазу нашего роста. Теперь никто не посмеет отрицать того, что мы продвигались вперед в общем и целом со знаком плюс. Теперь факты жестоко похохочут над тем, кто стал бы утверждать, что наша индустрия не подвималась быстрее сельского хозяйства, что социалистические элементы нашего хозяйства не росли быстрее несоциалистических, что частника мы не оттесняли, что удельный вес пролетариата в стране не повышался, что позиции пролетарской диктатуры не крепли. Теперь никто уже не посмеет оспаривать, что лозунг индустриализации нашей страны мы начали претворять в живое дело. Наша политика капитальных затрат, неуклонный и энергичный рост их за последние годы, ширящийся размах нового строительства, идущего под знаком последнего слова техники, укрепление энергетической, в частности топливной, базы нашей индустрии, все растущая роль металлургии и машиностроения— этих подлинных «выдвиженцев» нашей социалистической госпромышленности,—все это дает представление о нашей установке на ближайшие годы, о том, что «головная», ведущая роль промышленности будет *возрастать* и в дальнейшем.

С другой стороны, современная хозяйственная ситуация позволяет с достаточной точностью определить ее главные и специфические *трудности*. Тысячу раз говорили мы о том, что наша основная и труднейшая проблема есть проблема смычки рабочего класса и крестьянства. Здесь—основное *хозяйственное* соотношение, здесь же основное *политическое* соотношение в нашей стране. Сколько «желчных» упреков бросали нам оппозиторы всех цветов радуги за нашу якобы «*переоценку*» роли крестьянства, за наше якобы непропорционально большое внимание, расточае-

мое деревне, за то, что мы то и дело с опаской «оглядываемся» на презренный «аграрный хвост»! А между тем, теперь едва ли кому придет в голову отрицать, что главная трудность растет *именно отсюда*—из соотношений города и деревни,—что трения в нашем смычечном механизме *больше всего* жмут нам ноги и что в ближайшее время нам предстоит уж, конечно, не ослабление, а *усиление* внимания и забот о деревне. Во всяком случае недурненьким выглядел бы сейчас тот оппозиционный советчик или «сигнализатор», который предложил бы нам теперь покрепче «надавить» на деревню.

Не случайно именно теперь—в «переходный» внутри переходного периода передвижки от восстановления к реконструкции—на первый план со жгучей остротой вновь выступил вопрос о ценах и о «ножницах».

Проблема «ножниц», уровень цен, динамика цен, наша политика в этой области—сейчас *главное*. Это—наша задача задач и трудность трудностей. Наладить и укрепить смычку теперь конкретно означает решить именно эту задачу. Вопрос о ценах и раньше имел выдающееся значение, теперь он должен быть поставлен в самый фокус нашей хозяйственной политики. Сжать «ножницы», ликвидировать нездоровую качку цен, привязать розничный индекс плотнее к оптовому, снизить во что бы то ни стало промышленные цены,—это сейчас основное поле приложения энергии партии. К работе здесь с максимумом напряжения Пленум зовет все партийные, рабочие и хозяйственные организации.

Твердость, устойчивость, ясность линии во всех вопросах нашей политики и нашей борьбы с трудностями характерны для работ февральского Пленума и для всех вынесенных им крупнейшей важности резолюций—о капитальном строительстве, о ценах, о выборах в советы. Курс на развертывание социалистического строительства, на укрепление господствующей роли пролетариата, на упрочение рабоче-крестьянского союза—это испытанный ленинский путь, от которого мы не уклонялись и уклоняться не собираемся.

Твердость и преемственность нашей линии, всеми корнями уходящей в ту политику, которую мы вели до сих пор, еще нагляднее оттеняют те шатания, идейные зигзаги, политические сальтомортале, которые на Пленуме были проявлены «остатком остатков» оппозиционного блока.

Шатания расшатанной оппозиции на Пленуме не случайно. Они—логический продукт зияющего противоречия между политической установкой оппозиции—с одной стороны, и нашей хозяйственной действительностью,—с другой. Нынешнее положение в стране со всеми его оригинальными чертами позволяет подвести окончательный баланс нашим спорам с оппозицией. И никакими

ухищрениями нельзя прикрыть того бесспорного факта, что этот баланс подводится с величайшим политическим дефицитом для оппозиции.

Лучше всего это демонстрирует поведение на Пленуме самой оппозиции.

Оппозицией не было выдвинуто ни одного серьезного делового контрпредложения; ни по одному из крупнейших вопросов хозяйства и политики оппозиция не оказалась в состоянии что-либо *противопоставить* предложениям партии. Это можно об'яснить одной из двух причин. Либо надо предположить, что принятые Пленумом резолюции «похищены» из оппозиционного идейного арсенала. Но на такую дурашливую легенду теперь никого не зацепишь. Всякий понимает, что резолюции Пленума органически увязаны со всей предыдущей линией партии и могут быть поняты только на ее основе. Да и сама оппозиция, впрочем, не решалась утверждать, что принятые резолюции суть добро, извлеченное из ее «железного инвентаря».

Либо оппозиция не предложила ничего потому, что ей *нечего* было предложить. Оппозиции *нечего было сказать*—это бесспорный факт. И она была *вынуждена* голосовать за резолюции ЦК.

Оппозиция ничего не могла сказать по существу о нашей политике капитальных затрат на 1926—27 год. А ведь, казалось бы, ей карты в руки. Не она ли кичилась своим патентованным сверхиндустриализмом? Не она ли била в литавры о «позорном минимуме капитальных затрат»? Не она ли с ехидством распалялась насчет «ситцевой» индустриализации? Кто не помнит оппозиционных речей об «отставании» нашей промышленности от сельского хозяйства? Кто не помнит оппозиционных обвинений партии в «аграрном хвостизме»? Кто не помнит оппозиционных речей о том, что «возросшая крестьянская сила»... «держит нас под хлыстом»? Куда девались все эти каскады оппозиционной иронии? Они исчезли. Ирония действительности оказалась слишком убийственной. Оппозиционные ревнители «сверхиндустриализации» рассчитывали на *миллиард* рублей капитальных затрат. «Хвостистская» политика партии дала реальный *миллиард сто миллионов*. Эти реальные миллиард сто миллионов перекрыли все взятые вместе миллиарды и «миллиарды» зиновьевского исчисления.

С политикой цен положение оппозиции оказалось еще двусмысленной, чем с политикой капитальных затрат. На Пленуме оппозиционеры пытались завесить от нескромных глаз ту политику цен, над разработкой которой трудились компетентнейшие оппозиционные экономисты (тт. Пятаков, В. М. Смирнов, Преображенский и др.). Оппозиция пыталась спрятать «гвоздь» своей экономической программы: *программу повышения отпускных цен.*

Эта программа была об'явлена... несуществующей и несуществовавшей, всякие родственные связи с ней оппозиция стала отрицать, курс на повышение цен ей самой об'явлен «горячечным бредом». «Забыто» о том, что этим «горячечным бредом» оппозиция угощала партию уже *годы!*

Разумеется, столь торопливое перекрашивание, такой зигзаг от «повышения» к «понижению», такая скоропалительная смена вех имеет свою подоснову и определенный стратегический смысл. Подоснова—в нынешней хозяйственной кон'юнктуре: только сумасшедший мог бы предложить теперь курс на повышение оптовых цен. Стратегический расчет—в том, чтобы использовать недовольство там, где оно теперь наиболее вероятно, среди крестьянства, страдающего от «ножниц». Совсем недавно, каких-нибудь три месяца назад, оппозиция авторитетно раз'яснила, что те «переплаты», которые крестьянство делает из-за высоких цен на промтовары, в общей сумме ничтожны («150—200 м. руб.») и совсем-совсем «не страшны». Теперь эти переплаты той же оппозицией начинают самым нещадным образом преувеличиваться, доходят в ее исчислениях до «двух миллиардов»! Курс, ради высокой политики меняющийся на 180⁰, курс на *повышение* цен, оказывающийся курсом на их *понижение*; 200 миллионов, в неделю растягивающиеся до двух миллиардов; рьяная «защита» рабочего осенью, столь же рьяная «защита мужика» весной,—таковы поистине замечательные шалости современного оппозиционного маятника. Но разве не жалки надежды на таком беспринципном «идейном» кувырканье нажить в большевистской партии политический капитал?

Оппозиция в известной степени «разочаровалась» в нашем пролетариате после того, как от руки этого пролетариата, от рядовых партийцев-рабочих она осенью потерпела уничтожающее поражение. На минувшем Пленуме ЦК оппозиция представила своеобразную философию своего политического поражения, долженствующую быть одновременно самоновейшей «философией эпохи».

Смысл этой «оригинальной философии» оппозиционного блока следующий. Было время,—повествует оппозиция,—когда в советском пролетариате задавали тон исторические, «центростремительные интересы, теперь эти времена миновали, за последние годы возобладали тенденции «центробежные», цеховые. Эти цеховые интересы сказываются и на партии, и даже на политике Центрального Комитета ВКП. Отсюда недооценка «исторического» призвания оппозиции, отсюда—из-за того, что налет цеховщины слепил большевикам глаза—оппозиция потерпела поражение. Ее, видите ли, «не поняла» рабочая и партийная «центробежная» масса.

Нечего говорить, что эти наглые рассуждения чрезвычайно «удобны» для оппозиции. Но это не мешает им быть весьма убогими по существу.

Намеки на «цеховое перерождение» нашей партии ничем не лучше оппозиционных намеков на «кулацкое перерождение».

Обвинять нашу партию и рабочий класс, которые уже строят социализм, не покладая рук крепят командные высоты пролетариата, ведут за собой многочисленное крестьянство, с величайшей энергией преодолевая неслыханные трудности, обвинять рабочий класс и воплощающую в себе всю его мощь и волю ленинскую партию в том, что они забыли свои «исторические интересы» и погрязли в тине «цеховщины»—это значит пускаться на самую недостойную клевету.

Партия Ленина всегда отстаивала и будет отстаивать исторические интересы рабочего класса. Визгливые наветы оппозиции партия с презрением отвергает. Болтовня о «цеховщине» в пролетариате есть лишь обратная сторона неверия оппозиции в силы пролетариата и лишь измеряет собой глубину ее нынешнего политического падения.

С другой стороны, вся партия великолепно знает на опыте, в чем заключалась и заключается хваленая «центростремительность» оппозиции и ее представление о защите «исторических интересов» класса. Уж не в том ли, что оппозиция пыталась поднять рабочие ячейки против большевистского ЦК? Уж не в том ли, что она весьма «центростремительно» вела нелегальную фракционную работу против партии, в чем впоследствии сама признавалась? Уж не во имя ли «исторических интересов» пролетариата она швырялась демагогическими посулами и фантастическими «миллиардами»? Уж не в том ли заключается ее «центростремительность», что она сознательно играла на *действительно* цеховых струнках в среде рабочего класса? Поменьше бы такой «центростремительности», поменьше бы таких защитников «исторических интересов»!

Вместо того, чтобы декламировать о своей мессианской «исторической» роли, было бы гораздо лучше, если бы оппозиция нашла в себе политическое мужество открыто перед всей партией *признать ошибки*. Но на февральском Пленуме ЦК оппозиция этого не сделала. Она предпочла такому большевистскому поведению стратегическую *перелицовку*. Вместо честной политики, она стала на путь политиканства и «перевооруженческих» маневров, путь, который еще более усугубляет степень ее идейного банкротства и разложения.

Твердой поступью пойдет партия вперед по ленинскому пути. Ее не смутят новейшие оппозиционные маневры. Она будет проводить свою линию под руководством большевистского ЦК, и она напряжет все силы, чтобы выполнить целиком решения февральского Пленума.

Э. Гольденберг.

Против путаницы в теории империализма.

(Начало статьи см. в № 3 за 1927 г.).

5. Неравномерность развития и загнивание.

Как известно, ленинская теория империализма устанавливает теснейшую причинную связь между неравномерностью развития капитализма и его загниванием. «Было бы ошибкой,—писал т. Ленин,—думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, *но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)*» [1].

В подчеркнутых нами строках говорится о загнивании, как о прямом продукте неравномерности развития. Конкретная динамика загнивания—если позволительно вообще говорить о динамике загнивания—не может, следовательно, быть понята без анализа закона неравномерности. Полное игнорирование этого закона и привело Штернберга к его оппортунистическому определению империализма, как «Schonzeit», расцвета капитализма.

В своих теоретических упражнениях на XV конференции и на пленуме ИККИ оппозиционные лидеры не брезгали и таким аргументом: неравномерность является *общим* законом капиталистического развития, действительным не только в империалистическую эпоху, но и в эпоху «нормального» домонополистического капитализма. Между тем как загнивать капитализм начинает только в монополистической фазе своего развития. Отсюда делался вывод об отсутствии непосредственной связи между неравномерностью развития капитализма и его загниванием.

Бесспорно, что закон неравномерного развития действителен на всех этапах существования капиталистического способа производства. Неравномерность развития в «нормальном» капитализме обусловливается, помимо анархии производства и частной собственности на средства производства, двумя причинами:

Во-первых, различные страны в разное время становятся капиталистическими, в разное время переходят к крупному промышленному производству. Так, в Англии промышленный переворот

[1]) Ленин. «Империализм», изд. «Прибой» стр. 114. Курсив наш.

начался уже в последней четверти XVIII века, между тем как в Германии он развернулся только в 40—50 годах XIX века.

Во-вторых, капиталистическое накопление имеет одной из необходимейших своих предпосылок неравномерное развитие различных отраслей промышленности. Мы видели уже выше, что при расширенном воспроизводстве производство средств производства должно расти быстрее, чем производство средств потребления. «*Никакое вообще капиталистическое производство,*—говорит Маркс,—*не было бы возможно, если бы оно должно было развиваться одновременно и равномерно во всех сферах*» [1]). Закон неравномерного развития отраслей промышленности в условиях международного разделения труда естественно становится законом неравномерного развития различных стран. Решающее значение, которое приобрел уголь во второй половине XIX века, было одной из существенных причин неравномерности капиталистического развития в эту эпоху Германии, располагавшей самыми мощными в Европе угольными запасами, и Франция, которая каменным углем была чрезвычайно бедна. Точно так же огромные нефтяные богатства Соединенных Штатов Сев. Америки сыграли несомненную роль в бурном развитии в ней такой *ведущей* отрасли современной промышленности, как автомобильная.

Оба названных фактора до известной степени сохраняют свою силу и в монополистическом капитализме. Однако, взятые сами по себе, они не могут, конечно, об'яснить ни *усиления* неравномерности развития при господстве финансового капитала, ни тех специфических особенностей этой неравномерности, которые на империалистическом этапе развития влекут за собою и сами в свою очередь выражают «загнивание самых сильных капиталом стран» (Ленин). Здесь необходим анализ тех сдвигов в производственных отношениях, которые сопровождают переход капитализма в империалистическую стадию его развития.

Мы указывали уже, что в противоположность Р. Люксембург и Штернбергу, для которых исходным пунктом исследования является момент *реализации,* Маркс и Ленин во главу угла ставят анализ *условий производства.* Выше мы цитировали слова Ленина о том, что *концентрация производства* вплотную подводит к монополии. Концентрация производства неразрывно связана с повышением органического состава капитала. Крупное предприятие бьет мелкое потому, что оно технически совершеннее, т.-е. потому, что в нем выше органический состав капитала. Именно поэтому концентрация производства, подводя, с одной стороны, вплотную к монополии, с другой стороны, одновременно подводит ко второму важнейшему фактору империалистического загнивания—*к экспорту капитала.*

Значения экспорта капитала при империализме Штернберг совершенно не понимает. Для него экспорт капитала является лишь особой разновидностью товарного экспорта. Между тем как, если смотреть на дело не с точки зрения реализации, сбыта, а с точки зрения развития и загнивания *производственной базы,* то товарный экспорт и экспорт капиталов представляют собою не просто две разновидности одного и того же явления, но две принципиально различные формы международной хозяйственной связи. *Товарный экспорт есть основная форма международной*

[1]) К. Маркс, «Theorien», II_2, 315.

хозяйственной связи капитализма, находящегося на восходящей линии, экспорт капитала есть основная форма международной хозяйственной связи капитализма, находящегося на нисходящей линии, капитализма загнивающего.

Недостаток места вынуждает нас к крайней схематичности в обосновании этого положения. Возьмем Англию «классическую» страну загнивающего капитализма. Англия первая произвела у себя промышленный переворот, первая развернула крупное промышленное производство, является, в сущности, родиной промышленного капитализма. Благодаря этому индустриализация Англии на несколько десятков лет опередила индустриализацию других передовых стран Европы и Америки. В третьей четверти XIX века, когда германская промышленность находилась еще в пеленках, в Англии свыше $^2/_3$ всего населения жило в городах. Органический состав капитала народного хозяйства Англии был и *остается до сих пор* самым высоким во всем мире, несмотря на то, что уже в 900-х годах американская и германская техника явно обгоняют английскую. Необходимо помнить, что органический состав капитала народного хозяйства какой-либо страны определяется не только уровнем промышленной техники, но и соотношением промышленности и сельского хозяйства. В то время, как в Соед. Штатах и Германии городское население даже сейчас не достигает и двух третей всего населения страны, в Англии оно составляет около 85%.

Обратной стороной высокого уровня органического состава капитала является низкая норма прибыли. Низкая норма прибыли толкает к усиленному экспорту капитала. *Усиленный экспорт капитала влечет за собою загнивание производственной базы вывозящей капитал страны, замедление роста ее производительных сил, ее отставание от молодых капиталистических стран и на ряду с развитием монополистических организаций является могущественнейшим фактором загнивания капитализма.* Различие между товарным экспортом и экспортом капитала заключается, следовательно, в том, что первый выражает собою рост производственной базы вывозящей страны, между тем как второй влечет за собою ее упадок. Неравномерность развития «нормального» капитализма является неравномерностью *роста*; она создает, однако, все предпосылки (концентрация, замена конкуренции монополией, различие норм прибыли и экспорт капитала) для неравномерности развития империалистического капитализма, которая является уже неравномерностью и роста и *загнивания.*

Вывоз капитала, приводящий к известному застою в производственной базе вывозящей, перезревшей империалистической страны, в то же время форсирует развитие, оплодотворяет его в странах молодого капитализма. «Вывоз капитала,—писал тов. Ленин,—в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если, поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» [1]). Таким образом, расширение пожничного раствора, выражающего неравномерность развития старых и молодых стран, идет одновременно с двух концов:

[1]) Ленин. «Империализм» стр. 61.

за счет замедления роста первых и за счет ускорения роста вторых.

Мы приводим таблицу, передающую соотношение вложения английских капиталов в самой Англии и за границей перед войной:

Годы	Вложено в Соед. Королевстве	За границей.
1900	100121 тыс. ф. ст.	26069 тыс. ф. ст.
1901	106585 »	26978 »
1902	75124 »	62214 »
1903	44868 »	60013 »
1904	50083 »	64616 »
1905	48426 »	110617 »
1906	39314 »	72995 »
1907	82988 »	79334 »
1908	50052 »	117871 »
1909	18681 »	150468 »
1910	60296 »	179832 »
1911	26146 »	142740 »
1912	45335 »	144 60 »
1913	35951 »	149735[1]) »

Эта таблица представляет собою исключительный интерес. В то время, как в 1900 году около четырех пятых всех вложений остается внутри самой Англии, прямо или косвенно оплодотворяя английское хозяйство и лишь немногим больше одной пятой всей суммы вложений идет за границу, в 1913 году мы имеем картину совершенно обратную. Свыше четырех пятых всей суммы вложений идет за границу и лишь менее одной пятой остается в Англии. Нужно ли доказывать, что такое положение не могло не повлечь за собою замедления темпа накопления в английской промышленности во всем английском хозяйстве? Если в 1911 г., по вычислениям Paish'а, английские вложения в Соединенных Штатах составляли колоссальную сумму в 688.078 тысяч ф. стерлингов, то это значит, что огромная масса материальных ценностей, которую выражает эта сумма, была использована не для укрепления производственной базы самой Англии, но для укрепления производственной базы Соед. Штатов. А тем самым подготовлялась и форсировалась и неравномерность развития перезревшего капитализма Англии и растущего капитализма Соединенных Штатов.

Корни этого явления совершенно ясны. Они заключаются в различии норм прибыли. Дивиденды английских акционерных компаний, предприятия которых работали в самой Англии, колебались перед войной между 8 и 13 процентами, лишь в редких случаях достигая 18 и 20%. Между тем как дивиденды, скажем, каучуковых предприятий в Индонезии составляли у трех обществ свыше 300%, у 3—от 200 до 300%, у семи обществ—от 100 до 200% и у 112 обществ—от 50 до 100% [2]). Очевидно,, что английский капиталист предпочитал вложениям в рахитичные английские предприятия вложения в каучуковые предприятия. Неудивительно, что за последние только четыре года перед войной Англия вложила в эти каучуковые предприятия до 750 миллионов рублей. А колоссальный рост заграничных вложений повлек

[1]) Гобсон. Стр. 397.
[2]) Harms, «Weltwirtschaftslehre», 232.

за собой и рост слоя рантье,—этих, по выражению Зомбарта, «блесток жира на поверхности бульона»,—один из самых ярких симптомов загнивания капитализма.

Англия, будучи самой старой капиталистической страной, первая вступила на путь империалистического загнивания и дальше всех на этом пути зашла. Но ту же тенденцию развития можно совершенно явственно проследить и на предвоенном развитии Германии. Германские вложения за границей составляли в 1912 г., по отнюдь не преувеличенному подсчету, 35 миллиардов марок, что давало ежегодный «рантьерский» доход минимум в 1.750 миллионов марок. При чем в высшей степени показательно следующее: в то время как в 1908 году в Германии эмиссия немецких ценных бумаг составляла 3.421 млн. марок, а эмиссия заграничных бумаг 228 млн. марок, в 1913 г. эмиссия немецких бумаг составляет 1.802 млн. марок, а эмиссия заграничных бумаг—603 млн. марок [1]). Таким образом, доля заграничных эмиссий в общей сумме поднялась с 6,3% в 1908 г. до 25% в 1913 г. Даже, учитывая влияние всякого рода кон'юнктурных колебаний, нельзя не видеть огромного сдвига в сторону империалистического загнивания.

И, наконец, самая молодая из «великих» капиталистических держав, Соединенные Штаты Сев. Америки, которые до войны были преимущественно импортером капитала, за последние 12 лет тоже сделали огромные «успехи» в экспорте капиталов. В настоящее время они уже почти нагнали Англию. В 1925 году вся сумма английских заграничных вложений составляла 24 мрд. долларов, а сумма вложений Соед. Штатов—23,5 миллиарда[2]). Разумеется, сумму заграничных вложений необходимо соизмерять со всей суммой «национального» имущества. Делать поэтому выводы о загнивании производственной базы Соед. Штатов было бы преждевременно. Но основы тенденции, во всяком случае, налицо.

Каков результат всех этих процессов? Экспорт капитала, приводя к сравнительному застою и загниванию производственной базы наиболее старых капиталистических стран, в то же время усиливает, форсирует развитие молодых стран. Неравномерность развития обостряется, из неравномерности роста превращается в неравномерность и роста и упадка. Обострение неравномерности развития с необходимостью влечет за собой и крайнее обострение противоречий между империалистическими государствами. Если Германия 70-х годов могла преодолеть свою отсталость сравнительно с Англией того време *без* войны, то Франция 14-го года преодолеть свою отсталость от Германии 14-го года без войны уже не могла точно так же, как и современная Англия никаким другим образом не в состоянии бороться с последствиями ее отставания от Соединенных Штатов. Отсюда и абсолютная неизбежность новых и новых войн, полоса которых может кончиться только вместе с империализмом [3]).

---

[1]) Liefman, «Beteiligungs-und Financierungsgesellschaften», стр. 37.

[2]) «Миров. хозяйство и мир. политика», № 9 за 1926 г. статья Угарова—«Экспорт капитала из Соед. Штатов».

[3]) В № 11 «План. Хоз.» за 1926 г. напечатана интересная статья т. Бессонова—«К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме». Тов. Бессонов доказывает, что «задерживающее влияние устарелых вложений капитала на технический прогресс является одной из важнейших составных частей закона неравномерности капиталистического развития. Эту неравномерность нельзя понять, если не учесть непрерывной перекочевки центра технического прогресса от страны к стране, от района к району, от одной отрасли промышленности к другой. Но эта перекочевка, как видно из предшествующего изложения, в немалой степени определяется устарелостью прежних вложений капитала». Тов. Бессонов, однако, не замечает, что задерживающее влияние старых вложений само нуждается в об'яснении. Так, с точки зрения современной техники оборудование германской углепромышленности еще недавно было таким же устарелым, как и оборудование английской, хотя абсолютно последнее было, вероятно, не на один десяток лет старше и изношеннее. Неравномерность здесь порождается не тем, что у Англии было старое оборудование, а у Германии новое, а тем, что Германия сменила новое оборудование на [illegible], между тем как Англия вместо технического обновления своей угольной—да и всякой другой—промышленности, вывозит капиталы за границу. Поэтому задерживающее влияние старых вложений само в свою очередь может быть об'яснено лишь движением экспорта капиталов, имеющим глубокие корни в общей динамике капиталистического развития.

6. «Философия эпохи» Фрица Штернберга.

Полное игнорирование вопросов, связанных с изменением производственной базы империалистических государств, приводит Штернберга к утверждению социальной устойчивости империализма. Выше мы видели, что империализм им характеризуется, как Schonzeit, как «золотой век», при чем золотой век не только буржуазии, но и рабочего класса. Мы показали уже, что с фактической стороны эти утверждения никакой почвы не имеют. Напротив: как раз последнее десятилетие перед войной ознаменовано совершенно бесспорным падением зарплаты во всех империалистических странах Европы. Однако, на этом несуществовавшем под'еме заработной платы, который будто бы принес с собою империализм, Штернберг строит всю свою «философию эпохи».

Философия эта очень не сложна. «Наиболее характерное для периода раннего (т.-е. довоенного) империализма,—вещает Штернберг,—заключается в том, что обострение политических конфликтов между империалистическими государствами не идет параллельно обострению классовых противоречий... Напротив: в странах высокоразвитого капитализма классовая борьба переходит в потенциальное состояние». Отсюда наш автор с легкостью в мыслях поистине необыкновенной, умозаключает, что в империалистической войне 1914 года рабочие империалистических стран сражались... за свою Schonzeit, за сохранение той «высокой» заработной платы, того «человеческого» уровня жизни, которым их облагодетельствовал «ранний империализм».

Замечательно, однако, что этот «диагноз» Штернберг ставит не только довоенному, но и современному, послевоенному капитализму. *Он утверждает социальную устойчивость современного империализма.* «С рабочим классом,—говорит он,—находящимся на линии АД (читатель помнит, что под АД линией Штернберг понимает уровень зарплаты, поднимающийся над голым минимумом), возможна не только одна война, но и целый ряд войн, возможна до тех пор, пока рабочий не приобретет «правильное» классовое сознание... Но это классовое сознание отнюдь не является чем-то само собою разумеющимся, как это принимали Маркс и Энгельс. Потому что, говоря еще отчетливее, рабочий класс активно-империалистических государств может потерять больше, чем только свои цепи (hat mehr zu verlieren als ihre Ketten)... Он только тогда может притти к классовому сознанию, только тогда может

стать суб'ектом кризиса, когда исполнится сознания, что линия АД покупается миллионами трупов» [1]).

Итак, капитализм может, не рискуя своей социальной устойчивостью, проделать еще не одну и не две империалистических бойни. Штернбергу это дает повод лишний раз продемонстрировать свое превосходство над стариком Марксом. Цепь империалистических войн может довести земной шар до такой нищеты, которая сделает вообще невозможным строительство социализма, которая заранее обречет на неудачу всякую революцию. «Вопрос о *моменте* революции,—пишет он,—был для Маркса несущественен. С его точки зрения революция могла притти слишком рано, но никак не слишком поздно. Это заблуждение, которое может иметь самые несчастные последствия. Революция может прийти слишком поздно» [2]).

Но для того, чтобы революция пришла, необходимо, как мы видели, чтобы пролетариат достиг «правильного» классового сознания. Сознание же, как известно, определяется бытием. В свете этого, достаточно элементарного положения перспективы революции рисуются нашему «ультра-революционному» автору в довольно мрачном свете. «Для мировой истории,—пишет он,—имеет решающее значение удержится ли затемнение классозого сознания рабочего класса,... т.-е. будет ли он в союзе со своей буржуазией защищать в борьбе с другими капиталистическими государствами свой золотой век (Schonzeit), или придет к «правильному» классовому сознанию» [3]).

Анализ Штернберга дает второй возможности очень мало шансов. Он сам говорит: «Ужасное, чертовское (Teuflische) в этой исторической ситуации заключается в том, что об'ективные условия, которые ведут к империализму, к войне, одновременно затемпили и продолжают затемнять классовое сознание того класса, который один только и в состоянии освободить мир от несчастья (Verhängnis), что одновременно в империалистических государствах наступает золотой век (Schonzeit), линия АС (голый минимум зарплаты) становится линией АД» [4]).

Подведем итог: не только в войне 1914 года, но и в грядущих империалистических войнах пролетариат в союзе со своей буржуазией борется за свою Schonzeit. *Против* капитализма его может восстановить *только* сознание, что эта Schonzeit покупается миллионами трупов. В этом единственный шанс революции.

Мы утверждаем, что здесь перед нами—полный отказ от пролетарской революции, полный стопроцентный скат с позиций революционной борьбы рабочего класса в болото самой похабной, мещански-пацифистской псевдо-революционной болтовни.

В самом деле, если против капитализма рабочий класс может быть восстановлен *только* войной, то в чем, с точки зрения революции, заключается его отличие от крестьянства? Штернберг совершенно не сводит концы с концами, когда называет пролетариат единственно-революционным классом. С его точки зрения это обосновать невозможно. От войны, и тем более от войн, крестьянство в своей массе страдает не меньше, чем пролетариат. Если война является *единственным* революционизирующим фактором, то силе его влияния крестьянство, как и вся мелкая буржуазия, подвержено не в меньшей степени, чем пролетариат. *Руководящая роль*, роль гегемона в революции рабочего класса, в этом случае об'ективно оказывается ничем не обоснованной. Самое понятие пролетарской революции тогда повисает в воздухе. Вместо него получается бесформенное, лишенное всякого классового содержания движение против войны «вообще». И здесь мы с Штернбергом можем согласиться: перспективы *такого* движения были бы очень нерадостны.

[1]) Стр 349.
[2]) Стр. 333.
[3]) Стр. 350.
[4]) Стр. 351.

Специфическое взаимоотношение между пролетарием и капиталистом исчезает. Революционность класса перестает определяться положением в производстве. Исчезают и собственно-классовые противоречия, т.-е. противоречия, вытекающие из отношения различных классов к производству. Штернберг, следовательно, полностью отрицает не только то, что ему угодно называть «буквой» марксизма, но и то, что является его революционной душой: учение о классовой борьбе пролетариата с буржуазией, с вытекающей из этой борьбы диктатурой пролетариата.

Положение о социальной устойчивости империализма не только в высшей степени оппортунистично, не только влечет за собою полный скат с позиций революционного марксизма, но и обнаруживает совершенное непонимание нашим автором действительных отношений, хода действительных отношений.

Империализм приносит с собою не только огромное обострение отношений *между* империалистическими государствами, не только между господствующими и угнетенными колониальными и полуколониальными странами, но и между эксплоатирующими и эксплоатируемыми классами внутри империалистических стран. При чем война, при всем ее исключительном значении, отнюдь не является *единственным* революционизирующим фактором. Она представляет собою звено,—правда, одно из важнейших звеньев,—в целой цепи явлений, порождаемых неравномерностью развития монополистического капитализма.

Неравномерность развития, в огромной степени форсируемая войной, приводит *к отрыву новых центров производства от старых центров рабочей силы*. После войны мировой производственный центр передвинулся из Европы в Америку. Но десятки миллионов европейских пролетариев не могут следовать за этим перемещением центра производства. Они остались в Европе. Отсюда современная безработица, которая в отличие от довоенной выражает не «нормальные» кон'юнктурные колебания, но изменение структуры мирового хозяйства, изменение положения в нем европейского капитализма, его загнивание и упадок. В Соединенных Штатах Сев. Америки живет 6% всего населения земного шара. Но в них производится 43% мировой продукции угля, 60% мировой продукции чугуна, 52% мировой продукции меди, 71% мировой продукции нефти, 82% мировой продукции автомобилей. Достаточно сопоставить долю Соед. Штатов в мировом производстве и процент населения Штатов ко всему населению земного шара, чтобы понять, что перед нами своеобразное повторение—в совершенно новых условиях, на совершенно другом уровне развития производительных сил, в совершенно другой системе производственных отношений—того процесса *отрыва средств производства от рабочей силы*, которым было ознаменовано начало промышленного капитализма. Этот процесс наносит колоссальный

силы удар «социальной устойчивости» империализма. Он революционизирует не по дням, а по часам рабочее движение Англии, он создал широчайшую базу для развертывания работы коммунистической партии Германии, он толкнул под наши знамена сотни тысяч пролетариев Чехо-Словакии, он подрубает тот сук, на котором висел «гражданский мир» начала войны 1914 года.

Отрыв новых производственных центров от старых центров рабочей силы был правильно подмечен уже в 1923 году покойным товарищем И. А. Ивановым, статья которого «Мировое хозяйство, как производственный организм», при всей своей односторонности, до сих пор остается одной из интереснейших работ по мировому хозяйству послевоенного периода [1]). Однако, об'яснение этого процесса, даваемое тов. Ивановым, в высшей степени односторонне и потому ошибочно. Тов. Иванов сводил все дело к крайне неравномерному распределению энергетических ресурсов, в первую очередь каменного угля. Из мирового запаса каменного угля в 7.338 млр. тонн 5.000 млр. приходится на долю Сев. Америки (Соединенные Штаты и Канада), 1.500 мрд. па долю Китайско-Сибирского бассейна и только 750 мрд. на долю Западной Европы. Очевидно, что обосновывать *только* таким образом хозяйственную гегемонию Соединенных Штатов нельзя. Неравномерность распределения энергетических ресурсов на данной стадии развития может воздействовать на распределение производительных сил мирового хозяйства лишь в очень незначительной степени. *Причину отрыва производственных центров от центров рабочей силы следует искать не в географической карте каменноугольных запасов мира, но в общем, основном законе неравномерного развития капитализма, действие которого обостряется и форсируется в капитализме империалистическом.*

Как расценивает Штернберг положение в настоящий момент? «В активно империалистических странах-победительницах, — говорит он,—нет ни одного слоя, экономическое положение которого улучшилось бы при революции. Поэтому в этих странах нет никакого революционного движения, налицо затемнение классового сознания, связь линии АД, золотого века (Schonzeit) и миллионов убитых систематически вытесняется. В пассивных странах неофеодализма предпосылки для захвата власти были бы даны... Но даже, если допустить, что революционно-социалистические силы в Германии сильнее, чем контрреволюционные, социалистическая революция в Германии не может привести к цели до тех пор, пока капитализм Антанты остается непоколебленным изнутри» [2]).

Вот «смысл философии всей». Вопреки всеобщей стачке и угольной стачке, вопреки движению меньшинства, вопреки английской компартии,—революционного движения в Англии нет. Вопреки миллионной безработице и систематическому снижению зарплаты, рабочие все еще питаются там золотыми яблоками золотого века, и скверно лишь то, что они не понимают, что за эти золотые яблоки они заплатили миллионами убитых в прошлой войне и заплатят еще миллионами убитых в будущей

[1]) «Вестник Соц. Академии», 1923 г, кн. 6.
[2]) Стр. 359.

войне. Что же касается Германии, то о ней вообще говорить не стоит, пока не будет расшатан капитализм Антанты. Но на последнее рассчитывать пока-что не приходится: ведь даже в Англии рабочие все еще переживают свой золотой век.

Вряд ли есть какая-нибудь надобность всерьез полемизировать со всей этой оппортунистической философией. Не всякий *правый* профсоюзный лидер Англии решился бы выступить с *такой* оценкой современного положения английского рабочего класса. Разговор о том, что Германия бессильна что-либо сделать до тех пор, пока не выступит пролетариат стран Антанты, представляет собою перепев той самой похабной программы интернационального пассивизма, которую проповедывали Каутские всех стран в войну 1914 года. Человек, говорящий такие вещи, не марксист и не коммунист. Точно так же нет надобности вскрывать ту кучу ошибок, которую Штернберг делает в главе, посвященной нашей революции. Читатель сам уже, вероятно, догадывается, что «невозможность организации социалистического производства в одной России» для него является чем-то само собою разумеющимся (стр. 370). Все, что мы, по его мнению, можем делать—это стараться *продержаться*, пока не начнется мировая революция (при чем последняя, как мы видели, должна начаться ausgerechnet в странах Антанты). Понимание того, что мировая революция—это длительный процесс, одной из важнейших частей которого является строительство социализма в СССР, бесконечно чуждо Штернбергу, как бесконечно чуждо ему революционно-марксистское мировоззрение в целом...

Подведем итог. Книга Штернберга есть не что иное, как попытка теоретического обоснования «ультра-левого» ликвидаторства. Прикрашивание империализма в прошлом и в настоящем, смазывание значения классовой борьбы, смазывание загнивания капитализма,—все это имеет своим политическим источником временную стабилизацию европейского капитализма, теоретическим—неумение применять метод Маркса, метод, во главу угла ставящий анализ производственных отношений.

Теория накопления Р. Люксембург в книге Штернберга доведена до логического конца. В книге Штернберга эта теория себя разоблачила, как немарксистская и нереволюционная. В этом интерес книги, с этой точки зрения ее можно признать даже полезной.

А. Микоян.

Центральная ось современной хозяйственной политики.

Хозяйственное развитие первого пролетарского государства, несмотря на трудности, вытекающие из капиталистического его окружения и из отсталости страны, быстро и неуклонно идет вперед. Мы уже закончили восстановительный период своего развития и вступили в полосу коренной перестройки всего народного хозяйства, путем перевода его на более высокую, передовую техническую базу и построения на этой основе социалистического общества. Область хозяйственного развития представляет то главное поле классовой борьбы победившего и организовавшегося в государство рабочего класса, где будут происходить решающие сражения социалистической хозяйственной системы с капиталистической.

Пути социалистического хозяйственного строительства в условиях нэпа идут через разрешение противоречий, вытекающих из переходного характера нашей экономики.

Устраняя одни препятствия на своем пути, преодолевая одни трудности, стоящие сегодня перед нами, мы поднимаемся со ступеньки на следующую ступень развития, которая ставит на наше разрешение новые трудности, вытекающие и свойственные новой, высшей стадии нашего хозяйственного положения.

Главный итог нашего хозяйственного развития на протяжении предыдущих лет нэпа заключается в том, что, по сравнению с первыми годами нэпа, мы поднялись по лестнице строительства экономической базы социализма на несколько ступеней выше и вступили в полосу развития, выдвигающую новые, более сложные задачи или по новому ставящую старые задачи.

В данной полосе хозяйственного строительства *центральной осью*, где перекрещиваются все основные экономические и политические проблемы социалистической революции,—является *политика цен.*

Конкретное содержание нашей политики цен и ее направление в различные моменты различны и определяются той хозяйственной обстановкой, в которой они осуществляются.

У нас—*два рычага* воздействия на динамику цен: первый—цены на продукты сельского хозяйства и второй—цены на продукцию промышленности. Лишь правильное сочетание действия обоих этих рычагов может обеспечить нам результаты, преследуемые общей политикой цен.

То новое, что мы имеем *теперь* в процессе образования цен, в элементах, определяющих движение цен, чего не было у нас

два — три года назад, заключается в том, что *раньше* в процессе ценообразования стихийные законы рынка играли значительную роль, *теперь же*, поскольку обобществленный сектор народного хозяйства—кооперация и госторговля—занял *преобладающее* место на рынке сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции и уже является *решающим, определяющим фактором* рынка,—в значительной степени ограничивается сила и поле действия указанных законов.

Решающая роль переходит к организованному хозяйственному сектору.

Плановое начало, осуществляемое пролетарской диктатурой, приобретает на рынке, в лице кооперации и госторговли, такие позиции, которые позволяют ему превратиться в решающую силу в процессе ценообразования, путем и *за счет* ограничения влияний капиталистических тенденций. Это значит, что мы поднимаемся на такие высоты, когда становится *возможным сознательное* регламентирование меновых норм. Мы уже сейчас практикуем государственное нормирование цен по ряду важнейших продуктов сельского хозяйства и промышленности.

В силу этого значение политики цен пролетарского государства в каждый данный момент еще более усугубляется.

Ответственность за фактический уровень цен, за их динамику, падает на государство в большей степени, чем раньше. Ибо теперь значение конкуренции на рынке, как фактора, направляющего, корректирующего нашу политику цен, сильно ослабляется.

Отсюда вытекает необходимость более тщательной разработки нашей политики цен, установления более правильных пропорций цен на продукты различных отраслей хозяйства, с точки зрения перспектив и планов хозяйственного развития, с учетом хозяйственного разнообразия различных районов страны и различных отраслей хозяйства. Ибо рынок и политика цен—это важнейший рычаг *руководства* всем народным хозяйством и, в особенности, крестьянским хозяйством.

Существующее ныне соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары настолько неблагоприятно для сельского хозяйства и крестьянства, что нельзя *надолго* строить нашу политику на этом соотношении, если мы хотим дальше укрепить нашу смычку города и деревни и обеспечить за сельским хозяйством, в особенности за его сырьевыми отраслями, более быстрый темп развития.

Неблагоприятное для крестьянства соотношение цен усугубляется тем обстоятельством, что успешно овладев рынком сельскохозяйственных товаров и установив для них *приемлемые* для народного хозяйства цены, мы *не сумели*, согласно директивам апрельского Пленума Центрального Комитета Партии, соответственно снизить розничные цены на промтовары. Это вызвало дальнейшее раздвижение лезвий «ножниц», придав большую остроту задаче снижения цен на промтовары.

Если сравнить первый квартал текущего 1926—27 г. с соответствующим кварталом прошлого хозяйственного года, то в этом году мы имеем понижение сельскохозяйственных цен на 9% и повышение розничных цен на промтовары на 4,2%. Если в первом квартале 1925—26 г. индекс сельскохозяйственных товаров по ценам госзаготовителей по отношению к довоенному составлял

1,267, то в том же квартале текущего года он пал до 1,153. Индекс же промышленных товаров по розничным ценам (по данным ЦСУ) поднялся с 2,16 до 2,25. Другими словами, для крестьянина промышленные товары в два раза дороже довоенного.

Вот почему политика цен стала теперь центральной проблемой нашей политики. Интересы дальнейшего укрепления смычки между пролетариатом и крестьянством, интересы дальнейшего развития промышленности требуют изменения соотношения цен в пользу сельского хозяйства.

Есть два пути достижения этой задачи:

или *повышение* уровня цен на сельскохозяйственные товары при стабильности цен на товары промышленности;

или *понижение* цен на промышленные товары, при сохранении существующего уровня сельскохозяйственных цен.

Мы не можем итти по первому пути, ибо это означало бы уменьшение покупательной способности червонца, усиление дороговизны, уменьшение реальной заработной платы и т. д. Этот путь чреват большими затруднениями для нашего хозяйства и дает опасную, неправильную народнохозяйственную ориентировку, сводя на-нет достигнутые нами за последний год успехи в области хлебозаготовок. Февральский Пленум Центрального Комитета партии совершенно прав, став на путь снижения цен на промтовары и сохранения уровня цен на с.-х. продукты.

Постановление Пленума ЦК содержит в себе *не только* директиву снизить до 1 июня на 10% цены на все промтовары в среднем, по сравнению с их уровнем на 1 января т. г., с учетом производимого снижения отпускных цен. Оно определяет *содержание* всей нашей политики цен на ближайшие годы, как задачу *систематического снижения промышленных цен.*

Эта народнохозяйственная ориентировка на снижение промышленных цен, связанная с задачей снижения себестоимости промышленной продукции, вытекает из всей установки нашей партии в этих вопросах, установки, которая подвергалась систематическому обстрелу со стороны оппозиции.

Партия, держа курс на снижение отпускных цен, весною прошлого года центр своего внимания обратила на снижение *розничных* цен, в виду сильного расхождения между уровнем отпускных и розничных цен, характеризуемого обострением оптово-розничных «ножниц».

Оппозиция же требовала *повышения* отпускных цен и в лице своих виднейших экономистов еще летом в статьях и подпольных листовках обосновывала необходимость повышения отпускных цен. Политика *высоких* цен составляла основную часть экономической программы оппозиции 1923 г. и об'единенной оппозиции 1926 года.

Партия единодушно отбила атаку оппозиции и отвергла ее антиленинскую, гибельную политику.

Хотя директива о снижении розничных цен была далеко не выполнена, однако, еще в декабре прошлого года Политбюро ЦК постановило приступить к снижению отпускных цен, продолжив с еще большей энергией борьбу за снижение розничных цен. Постановление же февральского Пленума ЦК о снижении розничных цен, совершенно своевременное и необходимое, подтверждает решения Политбюро и дает развернутую программу действий партии в области политики цен.

Вся правильность нашей партийной политики и все банкротство оппозиции лишний раз подтвердилось на этом Пленуме. Оппозиция, растеряв свой политический багаж и будучи *вынуждена голосовать* за резолюцию, предложенную Политбюро, без внесения единой поправки, пыталась открещиваться от своей вчерашней программы. Она заявила, что лишь в «горячечном бреду» можно «приписывать» оппозиции политику высоких цен. Это в то время, когда в многочисленных выступлениях вождей оппозиции: Пятакова, Преображенского, Смирнова и других, обстреливалась политика партии и защищалась линия на повышение отпускных цен. Ведь Преображенский и *теперь* стоит против понижения отпускных цен. Он только перешел с позиции *повышения* отпускных цен, на *сохранение* существующих высоких цен.

И после этого, у оппозиции хватает «смелости» говорить о том, что это не было ее программой и что она не защищается теперь никем.

Продолжая свою беспринципную и демагогическую политику, оппозиция пытается перевооружиться. Раньше она требовала повышения цен, а теперь, обжегшись на рабочих, меняет ориентацию, рассчитывая этим путем нажить себе политический капитал. Однако, никакая переориентировка оппозиции, никакая перемена фронта, не может вывести ее из состояния банкротства, не может оживить труп оппозиции.

Задача снижения цен на промтовары требует концентрации усилий нашей партии и рабочего класса на двух участках борьбы. Первый—на снижении себестоимости промышленной продукции и второй—на снижении розничных цен за счет сокращения издержек товаропроводящего аппарата.

В условиях восстановления промышленности до довоенного уровня и перехода ее в реконструктивный период, только путем систематического снижения себестоимости можно обеспечить более приемлемые цены на промтовары для крестьянства, экономически сцементировать неразрывную смычку между городом и деревней и на деле закрепить *ведущую* роль социалистической индустрии по отношению к сельскому хозяйству, в целях его технической перестройки и реорганизации мелкособственнического крестьянского хозяйства в обобществленные формы хозяйства. Задача снижения себестоимости промпродукции и удешевления промышленных товаров имеет громадное значение также для интересов развития самой промышленности, ибо лишь увеличение платежеспособности населения и удешевление промышленных товаров может расширить емкость внутреннего рынка для сбыта промышленной продукции, т.-е. тем самым обеспечить базу для роста нашей промышленности. Эта задача является актуальной тем более, что ряд промышленных товаров, в силу ли несоответствия своего качества и ассортимента потребительскому спросу или в силу более быстрого темпа роста этой продукции по сравнению с темпом развития спроса на нее, уже встречает затруднения в сбыте. Если бы мы своевременно не приняли мер к снижению цен и приспособлению нашей промышленности к изменившимся потребностям рынка, то существующие и неизбежные затруднения в области сбыта создали бы элементы кризиса в народном хозяйстве и, аккумулируясь, могли бы привести нас к действительному кризису. Все значение планового хозяй-

ства заключается в том, что оно дает возможность своевременно предотвращать опасности кризиса, парализовать возникающие элементы кризиса и двигать наше народное хозяйство вперед с минимальными затруднениями и заминками. Если бы мы сейчас не стали на путь систематических мероприятий в области снижения цен и улучшения промышленной продукции, мы шли бы навстречу кризису. Постановление февральского Пленума ЦК и данная им ориентировка народного хозяйства обозначает, что мы идем *наперерез* тенденциям кризиса, не давая ему нарастать и аккумулироваться. Задача сводится к локализации этих затруднений и их устранению по частям.

Несомненно, громадно значение нашей политики цен и в области экономических отношений Советского Союза с капиталистическим окружением экономически передовых стран. Высокий уровень цен на товары советского производства по сравнению с мировыми ценами создает «ножницы» между советскими и мировыми ценами на промышленные товары. Это соотношение является источником больших трудностей и опасностей на пути нашего хозяйственного развития, питает тенденции против монополии внешней торговли, с одной стороны, усиливая интервенционистский натиск западно-европейских и американских капиталистов в погоне за сверхприбылями, могущими образоваться на разрыве мировых и советских цен, увеличивая натиск внешнего капитализма на стальную стену монополии внешней торговли, защитницу советской индустрии и социалистического хозяйственного строительства, и, с другой стороны, питает внутри Советского Союза тенденции, направленные к прорыву монополии внешней торговли. Для противодействия этим двойным опасностям для монополии внешней торговли, необходима политика систематического снижения цен на промтовары.

Задача снижения цен имеет еще *особое* значение в наших внешнеторговых сношениях с Востоком. Союз рабочего класса и крестьянства в первый период русской революции покоился, главным образом, на разрешении политических проблем, после решения которых центр тяжести смычки города и деревни перенесся в область экономических отношений. Примерно, также должны сложиться отношения единственного пролетарского государства к освобождающемуся крестьянству Востока. Если ныне Советский Союз пользуется обаянием и симпатией среди трудящихся Востока, вовлеченных в национально-освободительное движение, то по завершении этой задачи на первый план станут вопросы экономических отношений. Пролетариат, строящий социализм, должен, закрепив еще теснее смычку с крестьянством Советского Союза, обеспечив ведущую роль социалистической промышленности по отношению *к нашему* крестьянскому хозяйству,—готовиться для осуществления *ведущей роли* народного хозяйства СССР по отношению к крестьянскому Востоку, помогая ему в деле высвобождения от *капиталистической* кабалы империализма и содействуя *некапиталистическому* развитию отсталых стран Востока. Теоретически несомненно, что после победы пролетарской революции в передовых странах колесо истории хозяйственного развития восточных стран не проделает *всего* пути капиталистического развития, а *при поддержке* передовых социалистических стран сможет итти по более краткому пути к социалистическим формам хозяйства.

Задача удешевления промтоваров не может быть решена с одного лишь конца снижения отпускных цен, ибо при данном состоянии нашего товарооборота и товаропроводящей сети кроется громадная опасность в том, что снижение отпускных цен не будет полностью доведено до потребителя, т.-е. не достигнет своей цели.

Наличие оптово-розничных «ножниц», т.-е. ненормально высокий уровень розничных цен против оптовых, превращает задачу снижения розничных цен за счет товаропроводящей сети в актуальнейшую политическую и экономическую проблему. Оптово-розничные «ножницы» означают просадание и оседание в сфере обращения больших ценностей, производимых рабочими и крестьянами, чем это необходимо при нормальном выполнении аппаратом обращения своей народнохозяйственной функции.

Устранение оптово-розничных «ножниц» в области частной торговли ограничивает поле частнокапиталистического накопления, лишая частника сверхприбылей, покоящихся на разрыве оптово-розничных цен.

Оптово-розничные «ножницы», разцветая на почве товарного голода и принимая чудовищные размеры в области сбыта дефицитных товаров, могут быть устранены путем:

1) рационализации товаропроводящей сети и упрощения и укорочения пути движения товара от производителя к потребителю,

2) путем сокращения издержек торгового аппарата и

3) путем сокращения тех накоплений в товаропроводящей сети, которые приняли за последний год ненормально высокие размеры.

Задача снижения цен и упорядочения товарооборота непосредственно упирается в проблему построения такого аппарата товарного обращения, который должен лечь в основу построения аппарата социалистического распределения продуктов. Стратегический план Ленина, наметивший путь движения нашей страны от капитализма через нэп к социализму, включает в себя и то звено, которое в области обмена должно являться формой или системой построения социалистического хозяйства.

Основным рычагом, через который, опираясь на социалистическую индустрию, мы в первую очередь должны об'единить и вести по социалистическому руслу крестьянство, является кооперация. Нам нечего искать новый тип аппарата в области обмена в период социалистического хозяйственного строительства. Кооперация является наиболее рациональной хозяйственной системой, опираясь на которую мы будем строить социалистическое хозяйство.

Наша товаропроводящая система, будучи *по своему типу* наиболее рациональной и наиболее передовой, даже по сравнению с передовыми капиталистическими странами, в силу нашей некультурности, технической и организационной отсталости, еще не дала того громадного народнохозяйственного эффекта, который может дать рационально построенная обобществленная система товарного обращения. Еще Маркс, указывал, что капитализм, будучи чрезвычайно экономным в области производства (правда, при хищническом расточении рабочей силы), является *наиболее расточительным строем* в области обмена. Дальнейшее укрепление кооперации, укрепление ее организационной, фи-

нансовой и технической мощи, усвоение ею наиболее передовой капиталистической техники постановки торговли—могут покончить с той капиталистической расточительностью, которая и у нас существует в меру наличия частного капитала, в меру действия стихийной конкуренции. Рациональная и экономная постановка дела явится источником громадных сбережений в народном хозяйстве и обеспечит более интенсивный темп социалистического накопления в народном хозяйстве для индустриализации страны. Поэтому, мы при оценке достижений и завоеваний кооперации, что, несомненно, имеется у нас за последние годы, должны будем исходить не из сравнений с соответствующими данными 1923 г., довоенного времени или с данными капиталистических стран. Кооперация лишь тогда сможет показать свое превосходство над капиталистической торговлей, когда:

1) вместо азиатского торгашества поставит культурную торговлю и обеспечит меньшие издержки обращения, чем это имеет место в капиталистической торговле,

2) преодолеет стихийность рынка и связанную с ней расточительность,

3) сумеет вовлечь миллионные массы потребителей в кооперативное строительство и создать строй цивилизованных кооператоров.

Достигнув громадных успехов в деле концентрации в руках кооперации и госторговли преобладающей части товарооборота, мы поднялись на ряд ступеней выше и столкнулись с новыми трудностями и опасностями, которые свойственны и вытекают из этого нового положения. Кооперация и госторговля на рынке имеют монопольное положение, которое по мере наших успехов все больше и больше будет усиливаться. Однако, во всяком монопольном положении и монопольном типе построения организации кроются свои специфические опасности. Капиталистическая монополия, будучи высшей хозяйственной формой, достижимой в рамках капитализма, обрекает народное хозяйство на неизбежное *загнивание*, от которого может освободить лишь победа социализма, который, опираясь на достигнутые высшие формы, направит хозяйство к дальнейшему развитию.

Отличие монополии в советской экономике от капиталистической монополии заключается в том, что судьба загнивания *не является неизбежной* для нас. Однако, *возможны* известные, отдельные пункты монополистического загнивания. Речь идет об опасности бюрократизации наших хозяйственных органов, об ослаблении стимулов к дальнейшему их улучшению и развитию, об отрыве от масс и пренебрежении их повседневными нуждами. По существу дела, опасность бюрократизации наших хозорганов представляет собой главнейшую часть общей опасности бюрократического перерождения нашего государства, борьба с тенденциями которого является основной задачей нашей партии и рабочего класса.

Нам нужно застраховать себя со всех сторон от процветания всех этих опасных явлений и тенденций, кроющихся в нашей хозяйственной системе.

Первой, основной и самой надежной *страховкой* является подлинное, живое вовлечение масс в дело хозяйственного строительства, привлечение их к проверке деятельности хозорганов.

Наиболее опасная сторона бюрократизма заключается не в бумажной волоките, медлительной и не четкой работе, покоящейся на нашей культурной и технической отсталости, на нашей бедности, а самая главная социальная опасность бюрократизма заключается *в отрыве от масс*. Капиталистические предприятия передовых стран и госорганы, работающие более точно, более быстро, более культурно, чем, зачастую, наши хозорганы, являются более бюрократическими, ибо они совершенно оторваны от масс, они созданы против масс и никогда, при капиталистической системе, при самых больших достижениях в области рационализации дела, не могут преодолеть бюрократизм, являющийся органическим свойством буржуазного строя. Советская же государственная и хозяйственная система потому является передовой по типу своему, что этот тип при своем улучшении и развитии исключает бюрократизм и предполагает сближение, а затем слияние государственного и хозяйственного аппаратов с массами. Вот почему дело привлечения масс к самому активному участию в хозяйственном строительстве, а в данный момент в первую очередь к участию в борьбе за снижение цен, является повелительно необходимой задачей.

Вторая страховка должна заключаться в таком построении всего хозяйственного аппарата, которое своей внутренней конструкцией обеспечило бы *взаимную проверку* различных звеньев хозяйственных аппаратов, облегчающую устранение имеющихся недостатков и создающую стимул к улучшению дела.

Третья страховка—усиление планового руководства пролетарского государства хозяйственной системой, подчинение деятельности отдельных ее звеньев общим задачам политики. Это тем более необходимо, что, зачастую, в деятельности отдельных хозорганов, работников, возглавляющих их, локальные, местные, частные интересы данного органа или учреждения берут верх, ставятся выше общих задач хозяйственной политики и общих директив партии. Усиление планового руководства хозяйственной деятельностью и в особенности рынком, должно обеспечить плановую увязку деятельности отдельных частей хозяйственного организма соответственно всей общей политике, чтобы все хозяйственные командные высоты пролетарского государства, все его рычаги действовали в одном и том же направлении, в направлении осуществления задачи построения социалистического общества.

Лишь одновременным и полным использованием всех этих *трех страховок* мы можем не только обезвредить выявившиеся опасные тенденции, но и успешно двигаться вперед по пути строительства социалистического хозяйства.

Задача снижения розничных цен в данный момент непосредственно упирается в проблему накопления товаропроводящей сети. Пользуясь благоприятной кон'юнктурой на рынке, страдая от недостатка основных и оборотных капиталов, кооперация и госторговля, сопротивляясь задаче снижения цен, поддерживая высокий уровень розничных цен и тем самым ухудшая положение трудящихся масс, при недостаточном сокращении расходов торгового аппарата,—за последний год накапливали громадные прибыли, которые ненормально велики не только по отношению к предыдущим годам, но и чрезвычайно высоки как в отношении к собственному капиталу, так и в отношении к

обороту. Высокая кон'юнктурная прибыль—самый опасный враг борьбы за сокращение накладных расходов, за сокращение издержек производства и обращения. Задача снижения цен и задача приближения рабочих и крестьянских потребительских масс к участию в кооперативном строительстве должна привести к сокращению той чудовищно-высокой нормы накопления, которая происходит в товаропроводящей сети. Лишь ограничив крайним минимумом норму прибыли, включаемую в калькуляцию товаров у торгующих организаций, мы можем добиться снижения цен, во-первых, и, во-вторых, дать реальный стимул кооперации и госторговле накапливать *не* за счет сохранения высокого уровня цен, а за счет рационализации товаропроводящей сети и за счет сокращения расходов.

Это накопление должно ограничиваться минимальными нормами, рассчитанными на соответствующее пополнение капиталов кооперации и госторговли для обеспечения дальнейшего роста их оборотов, во-первых, и, во-вторых, для мобилизации средств на улучшение техники торгового аппарата, как-то: укрупнение магазинов и складов, механизация погрузочных, разгрузочных и развесочных операций, постройка хлебных заводов, холодильников, молочных станций и проч. и проч. При чем эта работа,—по переводу нашей торговли на более *высокую техническую базу*,—должна происходить планомерно в меру тех ресурсов, которые может народное хозяйство выделить для этих задач. Она должна планироваться так же, как мы планируем капитальное строительство в области промышленности.

Задача снижения цен является такой проблемой, которая более, чем другая любая задача, кровно связана с повседневными непосредственными нуждами даже самых отсталых слоев рабочего и крестьянского населения. Поэтому вовлечение масс в борьбу за снижение цен является особенно необходимым и имеет громадные шансы на скорые успехи в этом деле. Если в деревне эта задача преимущественно будет выпадать на плечи парторганизаций, кооперативных организаций и советов, то в городе профсоюзы—этот приводной ремень, связующий широкую рабочую массу с нашей партией—призваны играть решающую роль. Снижение цен—это есть борьба за повышение реальной зарплаты,—задача, которая является органической и важнейшей работой профсоюзов. Прошлогоднее повышение розничных цен фактически снизило зарплату рабочих и этим в значительной степени аннулировало произведенное нами поднятие номинальной зарплаты. С мая месяца прошлого года мы имеем перелом на рынке—не только приостановку повышения стоимости бюджетного набора рабочих, но и значительное понижение, благодаря снижению цен на сельскохозяйственные товары. С первого мая по 1/X п. г. по данным ВЦСПС (более поздних данных еще не имеется) номинальная зарплата поднялась на 9%, реальная же—на 19%. Если бы в области снижения цен на промтовары мы успешно выполнили задание партии, то реальное повышение зарплаты выразилось бы в более значительных размерах. Выполнение постановления Пленума ЦК о 10-процентном снижении цен на промтовары даст возможность не только вернуть рабочим потерянную ими в прошлом году часть своей реальной зарплаты, но сумеет полностью передать рабочим в реальной форме то повышение зарплаты, которое произведено в червонцах. Вокруг этой

задачи профсоюзы должны поднять живую активность рабочих, привлечь не только активных рабочих к этому делу, но и поднять новую глыбу отсталой рабочей массы на борьбу за снижение цен, которая еще больше и больше, сплотив рабочую массу и трудящееся крестьянство вокруг советской власти и ее хозяйственных организаций, поможет преодолению стоящих перед нами трудностей, улучшению работы хозяйственных организаций, сокращению себестоимости промышленных товаров, сокращению расходов торгового аппарата, полному доведению до масс потребителей производимого снижения отпускных цен и обеспечению более низкого приемлемого для рабочих и крестьян уровня розничных цен на промтовары.

Постановление Пленума ЦК о снижении розничных цен не менее чем на 10% к первому июня должно быть во что бы то ни стало выполнено, и на полное и своевременное выполнение этой задачи должны быть направлены все силы нашей партии, рабочего класса и наиболее близких к нам слоев крестьянства. Успешное разрешение этой *ударной* задачи в короткий отрезок времени обеспечит более планомерный рост нашего хозяйства, ослабит стоящие на его пути затруднения и направит все внимание рабочего класса и наших хозяйственников на задачу систематического снижения цен на промтовары, являющегося основным условием роста нашей индустрии, ее реорганизующего в социалистическом направлении значения для крестьянского хозяйства и для построения социализма в нашей стране.

Ив. Краваль.

Сводный план промышленности на 1926—27 г.

(Состояние промышленности и ее перспективы на 1926—27 г.).

Задачей рабочего класса и его государства в деле руководства промышленностью является обеспечение и укрепление за ней социалистически преобразующей роли по отношению к крестьянскому хозяйству.

Необходимым условием, обеспечивающим за промышленностью роль гегемона и социалистического преобразователя всего народного хозяйства, является обеспечение более быстрого темпа развертывания промышленности по сравнению с сельским хозяйством и, в недрах самой промышленности, обеспечение более быстрого темпа развертывания тяжелой индустрии, производящей средства производства, по сравнению с легкой, производящей предметы потребления, без чего невозможен переход промышленности на более высокую техническую базу, т.-е. реконструкция основного капитала промышленности.

Главным образом на этом пути лежит преодоление трудностей, связанных с практическим осуществлением решений об индустриализации нашей страны и освобождении нашего хозяйства от зависимости от капиталистических стран, экспортирующих к нам средства производства.

Поэтому вопросы капитального вложения в промышленность должны привлекать особое внимание как партийных, так хозяйственных и профессиональных организаций, ибо новое капитальное строительство будет играть решающую роль как в деле дальнейшего укрепления союза рабочих и крестьян в связи с возможностями снижения себестоимости и цен, так и в деле дальнейшего улучшения материального положения и роста численности пролетариата.

Но эта большая работа по реконструкции всего нашего народного хозяйства и, в первую очередь, промышленности может быть успешно разрешена только при условии, если будет уделено достаточно внимания вопросам, связанным с наиболее рациональным использованием существующего основного капитала.

1925—26 хозяйственный год был первым годом проведения директив партийного с'езда об индустриализации нашей страны, был первым годом крупных новых вложений в нашу государственную промышленность и одновременно годом, когда работа нашей государственной промышленности протекала в условиях преодоления хозяйственных затруднений. Не оправдавшиеся пер-

спективы урожая (снижение продукции, благодаря дождям), неудовлетворительный ход хлебозаготовок, необходимость сокращения экспортного, следовательно, и импортного плана—на ряду с затруднениями в заготовках внутреннего сельскохозяйственного сырья для промышленности, очень значительно затруднили работу промышленности в течение истекшего 1925—26 хозяйственного года.

Вследствие этих изменений народнохозяйственной кон'юнктуры, промышленность должна была перестраиваться на ходу, приспособляясь к новым импортным, финансовым, сырьевым и проч. лимитам.

Одним из наиболее отрицательных явлений, связанных с сокращением первоначально намеченного темпа производства, явился относительный избыток рабочей силы, поспешно набранной к началу хозяйственного года, оказывавшей в течение всего года понижающее влияние на производительность труда и затруднявшей работу по снижению себестоимости.

Однако, несмотря на все эти затруднения, за 1925—26 г. промышленность увеличила свое производство на 41,8% в довоенных цепах по валовой продукции и—на 43,3% по отпускным ценам в червонных рублях.

При чем наиболее быстрый темп развертывания производства в истекшем году, мы наблюдали в отраслях тяжелой индустрии: так, напр., производство угля возросло на 54,4%, марганцевой руды—на 136%, чугуна—на 71,2%, стали—на 57%, проката—на 60,6%, цемента—на 80%, при росте производства хлопчато-бумажных тканей на 34,8%, бумаги—на 28% и т. д.

Более быстрый темп развертывания отраслей тяжелой индустрии, работающих по производству средств производства, привел к росту удельного веса их с 41,3% в 1924—25 г. до 44% в 1920—26 г. Кроме того, более быстрый темп развертывания фабрично-заводской цензовой промышленности, давшей 42% прироста, по сравнению с мелко-ремесленно-кустарной промышленностью, давшей прирост в истекшем году в 15,3%, привел к снижению удельного веса частной промышленности с 21,8% в 1923—24 г. до 16,9% в 1925—26 г., при соответственном росте удельного веса государственной и кооперативной промышленности. Все это говорит о происходящем процессе относительного вытеснения технически отсталых форм промышленности формами прогрессивными и о совершенно несомненном индустриализаторском направлении промышленной политики нашей партии.

Если принять во внимание, что темп развертывания нашей госпромышленности в истекшем 1925—26 хоз. году (41,8%) очень значительно превосходит тот темп, который намечался по крупной промышленности контрольными цифрами Госплана (плюс 22% в довоенных руб. и плюс 11% в черв. руб.) [1]) и, если принять во внимание, что контрольными цифрами Госплана предусматривались гораздо более благоприятные условия как в смысле финансирования и снабжения сырьем и оборудованием, то отсюда ясно, что основная установка нашей партии в отношении про-

[1]) См. контрольные цифры народного хозяйства на 1925—26 г. изд. „Плановое Хозяйство", стр. 51.

мышленности заключалась в обеспечении ей максимально возможного темпа развертывания при данных сырьевых, финансовых и импортных возможностях.

По этим данным читатель может судить о том, насколько были экономически обоснованы заявления лидеров оппозиции о том, что основной директивной установкой партии в отношении промышленности было сдерживание темпа ее развертывания.

О том темпе, каким развивалась промышленность и тех трудностях, какие ей пришлось преодолеть, можно судить по следующим данным, характеризующим развертывание промышленного производства в последние годы.

Годы	Продукция в довоен. руб.
1921—22	1.526
1922—23	2.034
1923-24	2.627
1924—25	4.058
1925-26	5.796
1926—27	6.752

Эти данные говорят о тех колоссальных усилиях, какие пришлось приложить нашей партии для обеспечения этого неслыханного темпа развертывания.

Сводный промышленный план, законченный в настоящее время разработкой в ВСНХ и утвержденный правительством, предусматривает в области валовой продукции увеличение производства в 1926—27 г. на 20,6% против 1925—26 г. При этом по группе отраслей тяжелой промышленности, связанных с производством орудий и средств производства, предусматривается прирост в размерах 24,9% при росте отраслей легкой индустрии на 17,3%, что приведет к дальнейшему усилению удельного веса отраслей промышленности, работающих над подведением новой технической базы под наше народное хозяйство.

Предполагаемый более медленный темп роста валовой продукции в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, всего 8,1%, говорит о том, что и в 1926—27 г. будет продолжаться процесс относительного вытеснения технически отсталых форм промышленности, более прогрессивными формами крупной государственной промышленности, что найдет свое выражение в дальнейшем снижении удельного веса частной и ремесленно-кустарной промышленности. Все это с совершенной несомненностью говорит о том, что сводно-промышленный план в области развертывания производства составлен с учетом директив об индустриализации нашей страны.

Наибольшие трудности в деле восстановления в течение последних лет представляли металлическая и топливная отрасли промышленности, наиболее пострадавшие в период гражданской войны. Эти отрасли промышленности все время находились под неослабным вниманием партии и правительства, и только благодаря этому удалось довести производство чугуна и стали с 2,6% в 1921—22 г. до 72% чугуна и до 80% производства стали в текущем году (по сравнению с довоенным).

Продукция же всей металлопромышленности за последние годы изменялась следующим образом (в милл. довоен. руб.):

Годы	Продукция	В % к 1912 г.	В % к предыдущ. году
1912	735	100,0	—
1922—23	122,7	16,7	—
1923—24	191	26,0	155,7
1924—25	384,9	52,4	201,5
1925—26	586,7	79,8	152,4
1926—27	801	109,0	136,5

Эти данные говорят о той огромной работе, которая была проделана по восстановлению металлопромышленности—этой базы по проведению индустриализации нашей страны.

Выполняется ли директива XV партийной конференции о том, чтобы «форсировать постановку в нашей стране производства орудий производства, с целью уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области», можно судить по следующим данным, характеризующим рост внутреннего производства оборудования в довоенных рублях.

Внутреннее производство	1913 г.	1925-26	В % к 1913 г.	1926—27	В % к 1913 г.
а) Транспортн. обор.	69,9	74,7	90,1	106,8	128,8
б) Промышлен.	74,6	79,5	10 ,6	95,0	127,3
в) Электрооборуд.	18,4	18,1	98,4	27,0	146,7
г) С.-х. оборудован.	64,75	72,3	111,7	92,2	142,4
Всего	240,65	244,6	101,6	321,0	133,4

Импорт	1913 г.	1925—26	В % к 1913 г.	1926—27	В % к 1913 г.
а) Транспортн. обор.	29,3	7,9	27,0	9,7	33,1
б) Промышлен. »	115,1	33,1	28,8	92,2	80,1
в) Электрооборуд.	22,6	11,7	51,8	18,7	82,7
г) С.-х. оборудован.	51,1	34,0	68,1	24,0	47,0
Всего	218,1	87,5	40,1	144,6	66,3

Из этой таблицы мы видим, что в области внутреннего производства оборудования мы уже в текущем хозяйственном году на 33,4% превзойдем уровень довоенного производства, увеличивая производство за один хозяйственный год на 32%. Однако, в связи с тем, что импорт оборудования в текущем хозяйственном году составит всего 66,3% от довоенного импорта, об-

щий размер удовлетворения народного хозяйства оборудованием в 1926—27 г. всего на 1,3% превысит размеры потребления оборудования в 1913 г.

Анализируя данные внутреннего производства оборудования до войны и теперь, мы видим, что уже в 1925—26 г. оно близко подходит к довоенному уровню (101,6% в пределах территории СССР), впереди всех идет производство сельскохозяйственного оборудования (111,7% довоенного уровня), а отстает более других производство транспортного оборудования (90,1%). Что же касается плановых предположений на 1926—27 г., то все они довольно значительно превышают довоенный уровень соответствующего производства, при чем здесь впереди всех будут стоять электрооборудование (146,7% довоенного уровня) и близко к нему, в смысле соотношения с довоенным уровнем, стоящая группа с.-х. оборудования (142,4%). Остальные две группы несколько отстанут от этого уровня. Все производство оборудования дает превышение над довоенным в размере 33,4%.

Совсем иная картина получается при анализе цифр импорта различных видов оборудования. В 1925—26 году весь импорт оборудования составлял лишь 40,7% довоенного импорта, при чем особенно отстает импорт транспортного и промышленного оборудования (27,0% и 28,8%). Впереди всех идет импорт сельскохозяйственного оборудования (68,1% довоенного), а за ним следует импорт электрооборудования (51,8% довоенного уровня). Что касается плановых предположений на 1926—27 г., то хотя ввоз в целом и увеличится по сравнению с 1925—26 г. более чем в 1,5 раза (87,5 милл. довоенных руб. и 144,6 миллион. довоен. руб.), но по сравнению с довоенным достигнет лишь уровня $^{2}/_{3}$ его (66,3%). Из отдельных же видов оборудования максимальный под'ем дает ввоз промышленного оборудования (с 33,1 милл. довоенных руб. до 92,2 милл. довоен. руб., т.-е. увеличение почти на 180%). Об'ясняется этот резкий под'ем реализацией значительной части германских кредитов (фактический завоз за счет этих кредитов будет равен 92 милл. червон. руб., или 51,1 милл. довоен. руб.). Но и такое повышение импорта промышленного оборудования доводит его в 1926/27 году лишь до 80,0% довоенного уровня. Импорт электрооборудования также повышается по сравнению с прошлым операционным годом более чем в $1^{1}/_{2}$ раза (18,7 милл. дов. руб. и 11,7 милл. довоен. руб., т.-е. увеличение на 60%) и достигнет 88,7% довоенного уровня. В области импорта транспортного оборудования повышение очень незначительное (с 7,9 милл. довоен. руб. до 9,7 милл. довоен. руб., т.-е. на 23%), ввоз составит только 33,1% довоен. уровня. В области же импорта сельскохозяйственного оборудования мы будем иметь снижение по сравнению с 1925—26 г. на 31% (с 34,8 до 24,0 милл. довоен. руб.), в результате чего оно составит лишь 47% довоен. вместо 68,1% в 1925—26 г.

Но, понятно, анализ порознь данных внутреннего производства и импорта не дает настоящей картины, ибо вопрос заключается также в том, в каком количестве доставляется стране оборудование в общем, независимо *(пока)* от того, является ли оно результатом внутреннего производства или импорта. И вот, приходя к анализу данных (суммы внутреннего производства и импорта) мы видим, что в 1925/26 г. она для всех видов оборудования составляла лишь 72,4% довоенного уровня, при-

чем, что особенно важно, *наиболее низким является относительный уровень по сравнению с довоенным нового промышленного оборудования (54,4%).*

Что касается 1926/27 г., то в течение этого года мы должны иметь значительный под'ем этого уровня по всем видам оборудования в целом с 332,1 до 466,6 милл. руб., т.-е. на 43%, в результате которого мы достигнем довоенного уровня (101,3%). В отношении же отдельных групп оборудования мы имеем (как и следовало ожидать после анализа данных о планируемом импорте в текущем году) увеличение по группе промышленного оборудования по сравнению с прошлым годом на 66% (с 112,6 до 187,2 милл. довоен. руб.), но и в результате этого под'ема удовлетворение по этой группе достигнет лишь 98,7% довоенного уровня. Значительный под'ем ожидается и по группе электрооборудования (с 29,8 до 45,7 милл. довоен. руб., т.-е. на 53%), удовлетворенная потребность которой достигнет 111,5% довоенной, т.-е. выступит в своем отношении к довоенному уровню на первое место, обогнав даже группу сельскохозяйственного оборудования, степень удовлетворения потребности которой в истекшем 1925—26 г. стояла по своему относительному уровню на первом месте. Об'ясняется это тем, что производство и ввоз сельскохозяйственного оборудования претерпели очень незначительные изменения по сравнению с истекшим годом: увеличение на 8,5% (с 107,1 до 116,2 милл. довоен. руб.), что явилось результатом того, что предполагаемое увеличение по внутреннему производству на 27,5% (с 72,3 до 92,2 милл. довоен. руб.) будет компенсировано уменьшением импорта на 31% (с 34,8 до 24,0 милл. довоен. руб.). Что касается удовлетворения спроса по транспортному оборудованию, то оно в 1926—27 г. увеличится почти на 40% по сравнению с прошлым годом (с 82,6 до 115,5 милл. довоен. руб.) и достигнет 102,9% довоенного уровня.

Все это говорит о том, что, *несмотря на то, что в области внутреннего производства* оборудования *у нас имеются значительные достижения, все же в области* общего *снабжения нашей страны оборудованием мы едва в текущем хозяйственном году достигнем того уровня вовлечения нового оборудования в производство, какой был в 1913 г.*, вследствие значительного отставания импорта оборудования по сравнению с довоенным импортом. Именно поэтому, несмотря на то, что в текущем году промпланом по металлической промышленности намечается очень значительный темп развертывания машиностроения (прирост в 32%), пленум ЦК, обсудив вопрос о капитальном строительстве промышленности на 1926—27 г. по докладу тов. Куйбышева, вынес резолюцию, подчеркивающую, что, «несмотря на то, что план предусматривает значительный об'ем капитальных работ по металлической промышленности (больше четверти всего об'ема капитальных работ по всей промышленности), признать необходимым увеличение этих капитальных работ для обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения» как за счет более целесообразного использования средств самой металлопромышленности, так и за счет усиления внутреннего и заграничного долгосрочного кредитования.

В сводном промышленно-финансовом плане промышленности на 1926—27 г. особое внимание на ряду с металлопромышлен-

ностью уделяется вопросами электро- и топливоснабжения страны.

В области электростроительства у нас имеются значительные достижения по сравнению с довоенным периодом, что видно из того, что мощность фабрично-заводских электростанций в текущем году превысит довоенную на 49%, мощность местных и районных электростанций превысит довоенную на 229,6%, а общая мощность наших электростанций составит в текущем году 1.730 тыс. клв. против 780 тыс. в 1913 г., или 222% довоенной мощности.

Однако, несмотря на это, мы являемся одной из наиболее отсталых стран как по установленной мощности, так по расходу электроэнергии на душу населения, что видно из следующих данных:

Расход электроэнергии на 1 душу населения и установлен. мощность на 1.000 жителей.

В 1925—26 году.

Страны	Расход электроэнергии в клв.-час.	Установл. мощность в клв.
СССР	22,3	12
Германия	480	160
САСШ	700	230
Норвегия	2.000	660

Особое место в плане промышленности на 1926—27 г. уделяется вопросам капитального строительства.

Вопросы капитального строительства в промышленности в настоящее время приобретают особо важное значение в связи с тем, что промышленность в настоящее время вступила, в связи с исчерпанием резерва основного капитала, в такой период своего развития, когда дальнейшее ее развертывание может происходить только на основе новых вложений и расширения основного капитала.

Размеры и темп индустриализации нашей страны, а также и практическое осуществление директивы XV партийной конференции о том, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем превзойти уровень индустриально-развитых передовых капиталистических стран, зависит от размеров и темпа дальнейшего расширения основного капитала и все расширяющегося нового строительства фабрик и заводов. Рост капитальных вложений за последние 3 года выражался в следующих цифрах: в 1924—25 г.—385 милл. руб., в 1925—26 г.—780 милл. руб. и в 1926—27 г. намечено для вложения 947,2 милл. при 30 милл. руб. резерва и добавочном ассигновании на электростроительство в размере 153,6 милл. руб. (Сверх того, 7 м. р.

расходуется на Днепрострой по общему плану капитального строительства). Эти данные говорят о систематическом росте из года в год капитальных вложений в нашу промышленность, производимых как за счет увеличения бюджетных ассигнований, так и, главным образом, за счет роста внутрипромышленного накопления.

Характерным для капитального строительства текущего хозяйственного года является не только общий рост затрат на капитальное строительство, но и значительные изменения в самом характере капитальных работ. В текущем хозяйственном году при общем сокращении расходов на капитальный ремонт с 129 милл. руб. в предыдущем году до 104,8 милл. руб. в текущем году, или на 18,2%, значительно увеличиваются расходы по реконструкции и переоборудованию, достигая 562,1 милл. руб. в текущем году (рост на 16,2%). Такое увеличение расходов на замену старого, изношенного оборудования более совершенным должно будет дать соответствующий эффект в деле снижения себестоимости. Одновременно значительное увеличение расходов на теплосиловое хозяйство (рост на 42%) должно будет в значительной степени гарантировать нас от того значительного количества аварий, которые происходили в предыдущем году вследствие большой изношенности теплосилового оборудования.

Значительные изменения в план капитального строительства текущего хозяйственного года, по сравнению с планом предыдущего года, внесены также и в связи со значительным повышением удельного веса нового строительства. В то время как общий размер капитальных вложений увеличится на 18,5%, расходы по строительству новых предприятий должны увеличиться с 103,1 милл. руб. до 187,7 милл. руб., или на 82%.

В связи с тем, что наиболее узким местом в промышленности является тяжелая индустрия (металл, топливо, электростроительство), от темпа развертывания которой в значительной мере зависит темп под'ема всего народного хозяйства в целом, план капитального строительства на текущий хозяйственный год составлен в полном соответствии с практическим осуществлением директивы партийной конференции о том, что «капитальное строительство еще в более значительной мере, чем в истекшем году, должно быть преимущественно направлено на переоборудование и перестройку тяжелой промышленности (металл, топливо и электростроительство)». Это видно из того, что при общем росте капитальных вложений в текущем году на 18,5% капитальное строительство в отраслях, производящих средства производства, увеличивается с 536 милл. руб. до 675,2 милл. руб., или на 26,3%, при несколько уменьшающемся размере капитальных вложений в легкой индустрии, благодаря чему удельный вес капитальных вложений в тяжелую индустрию повышается с 68,6% в предыдущем году до 73,6% в текущем году, при чем отрасли промышленности, производящие средства производства, расходуют 88,7% всех предоставляемых промышленности общегосударственных средств. Из отдельных отраслей, по сравнению с предыдущим 1925—26 г., капитальные вложения в 1926—27 г. увеличиваются в топливной промышленности на 33,4%, в металлургической и железорудной—на 25,8%, в электротехнической—на 32%, горной промышленности—на 47%, силикатной—на 42,5%, при

некотором их уменьшении по легкой индустрии. Такое перераспределение средств в пользу тяжелой индустрии делает возможным практическое проведение директивы XV партийной конференции о форсированной постановке в нашей стране производства орудий производства в целях уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области.

Особое внимание в системе капитального строительства занимают расходы по электрификации в связи с тем, что разрешение задач индустриализации нашей страны и реконструкции ее материально-технической базы невозможно без соответствующего развития электростроительства. Работы по электрификации на текущий хозяйственный год увеличиваются до 160,6 милл. руб., или на 33,5% против предыдущего года, считая и начало Днепровского строительства в размерах 7 милл. руб., осуществлению которого партия должна уделять особое внимание в общей системе крупных строительств переживаемого нами реконструктивного периода. Такое внимание электростроительству нами уделяется также и потому, что, несмотря на то, что мощность электростанций в текущем году в 2,2 раза превысит довоенную мощность, мы все же являемся одной из самых отсталых стран по расходу электроэнергии на душу населения.

Однако, это капитальное вложение в промышленность, вместе с электрификацией, в 1.100 милл. руб. не обеспечит надлежащего экономического эффекта, если не будут учтены ошибки прошлого года и обеспечена жесткая плановая дисциплина в области капитального строительства.

В условиях чрезвычайно напряженной хозяйственной обстановки нарушение плановой дисциплины в области капитального строительства должно рассматриваться, как нарушение интересов социалистического строительства.

На ряду с соблюдением плановой дисциплины величайшей важности значение имеет стоимость капитального строительства. Промышленность располагает большими возможностями в смысле значительного удешевления строительных работ. Широкий обмен опыта по проведению промышленного строительства, лучшая организация рабочей силы и повышенная производительность труда, снижение накладных расходов и т. д. дадут, несомненно, значительные результаты в деле удешевления промышленного строительства. Практика прошлых лет со всей категоричностью выдвигает требование рационализации строительства, обеспечение планового руководства и использование одними строительствами опыта других, знакомство со всеми новейшими достижениями в этой области западно-европейской и американской строительной техники.

Со всей решительностью должна проводиться в этой важнейшей работе борьба за плановую дисциплину, за максимальное удешевление строительства, за экономическую и техническую его рациональность и против всякого параллелизма, разнобоя и кустарничества.

В деле практического осуществления плана капитальных работ на текущий хозяйственный год особое внимание должно быть обращено на устранение тех недостатков промышленного строительства, которые имели место в истекшем 1925—26 г. и выразились: 1) в нарушении плановой дисциплины и производстве непредусмотренных и неразрешенных планом работ, 2) в отсутствии увязки сроков строительных работ со сроками снабжения оборудованием, 3) в закупке излишних строительных материалов, 4) в недостаточной концентрированности работ во времени и по об'ектам и 5) в малой эффективности строительных работ в связи с очень значительной себестоимостью их производства.

Успешному разрешению, стоящих перед нашей партией и рабочим классом задач в области капитального строительства и подведения новой технической базы под все наше народное хозяйство, должно быть уделено особое внимание как всеми нашими хозяйственными, так и партийными и профсоюзными организациями. Мы ни на минуту не должны упускать из виду, что снижение темпа капитального строительства неизбежно должно будет задерживать наши возможности в области снижения себестоимости, а тем самым и цен, в нашей промышленности, и может послужить задерживающим элементом в деле дальнейшего улучшения материального положения трудящихся масс.

В области рабочего вопроса промпланом на 1926—27 хоз. год, как и в области общего развертывания промышленности, предполагается сниженный темп как роста числа рабочих, так и роста заработной платы.

1925—26 г. характеризовался значительным ростом количества занятой рабочей силы в промышленности. Прирост числа рабочих по цензовой промышленности составил 25%, или около 400 тыс. новых рабочих, и значительно превзошел (почти на 100 тыс. человек) то количество рабочих, которое необходимо было для выполнения производственной программы 1925—26 г. в условиях нормальной работы. Этот излишек рабочих тяжелым бременем ложился на производство и был одной из важнейших причин того невыполнения по промфинплану 1925—26 г. роста производительности труда, который фактически имел место.

Предыдущий хозяйственный год характеризовался дальнейшим значительным повышением как номинальной, так и реальной заработной платы промышленных рабочих. Средняя годовая зарплата в 1925—26 г., по сравнению с предыдущим годом, возросла на 25,6% в номинальном выражении и на 16,2% в ее реальном значении.

Промышленность начинает текущий хозяйственный год с повышенным уровнем зарплаты, который в среднем по всей промышленности уже превышает довоенный размер заработной платы [1]), не считая дополнительных накладных расходов и начислений на заработную плату, которые составили в истекшем хоз. году 32,1% дополнительных расходов к фонду заработной платы, непосредственно выдаваемому на руки рабочим.

Однако, несмотря на такой интенсивный рост заработной платы, мы не имели такого же повышения выработки на рабочего, благодаря чему истекший хозяйственный год не только не

---

[1]) По данным Статистики Труда ВЦСПС и НКТ средняя заработная плата по всей промышленности в октябре составила 101,3% по бюджетному набору, не учитывающему того, что рабочий около $^2/_3$ своей зарплаты реализует через кооперацию, которая в среднем на 14—15% торгует дешевле частного розничника.

дал снижения доли заработной платы в себестоимости, но, наоборот, вызвал значительное ее повышение, благодаря тому, что рост номинала заработной платы в 26,6% сопровождался ростом выработки на рабочего всего в 11,9%. Это и явилось одной из немаловажных причин того роста себестоимости изделий нашей промышленности, который мы наблюдали в истекшем хоз. году в среднем по всей промышленности в размерах, примерно, около 2%.

О том, насколько неблагоприятно в течение истекшего года было соотношение в динамике заработной платы и выработке на рабочего, можно видеть по следующим данным [1]:

Отрасли промышленности	1925—26 г. в %% к 1924—25 году		
	Дневной заработок		Выработка на чел.-день
	В черв. коп.	В усл. моск. к.	
По всей промышленности	126,6	116,2	111,9
В том числе:			
Каменноугол.	133,2	123,4	117,0
Силикатная	131,2	121,9	115,1
Металлическая	130,0	117,7	116,8
Электротехнич.	124,1	110,2	115,4
Текстильная	124,6	112,3	111,6
Кожевенная	120,0	108,1	110,8
Химическая	127,2	113,4	114,2
Пищевая	115,2	107,6	111,9
Деревообрабат.	117,9	110,0	98,6
Бумажная	123,7	112,8	105,8

Промплан по рабочему вопросу на 1926—27 хоз. год составлен с учетом необходимости исправления ряда недочетов, имевших место как в использовании рабочей силы, так и ее найме в текущем хозяйственном году.

Промпланом на текущий хозяйственный год предусматривается повышение числа постоянных рабочих на 7%, при росте заработной платы 9,9% и повышении выработки на рабочего в среднем по всей промышленности 12,6%.

Достижения уже во втором квартале текущего года уровня заработной платы, намеченного по промфинплану на весь текущий хозяйственный год, а также необходимость выполнения во что бы то ни стало директивы правительства о снижении себестоимости минимум на 5% заставляют нас в настоящее время обратить особое внимание на вопросы, связанные с повышением производительности труда в целях достижения, как минимального, того уровня, который намечен промфинпланом, недостижение которого грозит значительными финансовыми осложнениями, могущими вызвать как перебои в своевременной выплате заработной платы, так и грозит некоторым срывом нового капитального строительства.

[1]) См. сводно-производственный план финансирования промышленности на 1926—27 г. Промиздат, стр. 49 52.

К числу подлежащих проведению мероприятий должны быть отнесены в первую очередь следующие:

1) усиление и углубление работы по рационализации производства на основе наличного оборудования в целях его наилучшего размещения и использования;

2) более строгое согласование наличия и роста рабочей силы с фактическим развертыванием производства, правильное и экономное установление необходимых штатов производственных и вспомогательных рабочих, служащих и технического персонала; прежде всего необходимо добиться правильного и рационального использования наличного кадра рабочих и вовлечение намеченных 116 тыс. рабочих по непрерывным производствам производить лишь в соответствии с действительной потребностью при полном отсутствии излишней рабочей силы на предприятиях;

3) улучшение технического снабжения предприятий и сокращение простоев;

4) улучшение использования рабочей силы путем дальнейшего развития уплотненной работы (в текстильной промышленности и других отраслях) переход на непрерывную работу и конвейерную систему, более рациональное распределение рабочего времени;

5) повышение и укрепление трудовой дисциплины путем мобилизации общественного мнения рабочих для борьбы против пьянства, возросших прогулов, симуляции, грубости, производственного хулиганства, а также путем пересмотра действующих правил внутреннего распорядка;

6) усиление и углубление технико-нормировочной работы на фабриках и заводах, переход от имеющего еще место нормирования «на глаз» к научно и рационально поставленному нормированию, качественное и количественное укрепление соответственных органов в трестах и заведениях, пересмотр норм выработки, где они оказались неправильными или непересмотренными при проведении организационно-технических улучшений.

Проведение этих мероприятий является совершенно необходимым условием для обеспечения реальности финансового плана промышленности, без чего нормальная работа промышленности невозможна.

Вся промышленность в целом должна будет дать в текущем хоз. году 518,6 млн. руб. прибыли, из которых 303 млн. р. составят отчисления в госбюджет и местный бюджет, 50 млн.— на обязательную покупку 8% займа.

Общий приток капиталов в промышленность в текущем хоз. году должен будет составить 1.800 млн. руб., из них: 916 млн. накопления и амортизация самой промышленности, 602 млн. руб. долгосрочное финансирование, 221 млн. руб. банковское кредитование и 95 млн. руб. прирост иностранного кредита по оборудованию. Из этой суммы 483 млн. руб. должно пойти в качестве платежей промышленности в бюджет, а остальная сумма в основной своей массе идет на капитальные затраты (948 млн. руб.) и пополнение оборотных средств промышленности в целях своевременного снабжения ее сырьем, топливом и вспомогательными материалами.

Один тот факт, что рост запасов материальной ценности, несмотря на дальнейшее развертывание производства в размерах 20%, предполагается сниженным по сравнению с предыдущим годом, и только при этом условии финансовый план промышленности окажется реальным, говорит об очень напряженном финансовом положении промышленности, требующем во всех без исключения областях жесткого и вдумчивого проведения режима экономии, без чего может быть нарушен план капитального строительства на текущий хозяйственный год.

Только при том условии, если практическому осуществлению этого сводного плана промышленности будет уделено достаточно внимания каждой низовой хозяйственной организацией, только при условии абсолютной плановой дисциплины и вовлечения в кампанию по снижению себестоимости широчайших слоев рабочих и всего административно-технического персонала, мы сможем этот план осуществить полностью и тем самым подвести необходимую материальную базу как для дальнейшего развертывания производства в следующем хоз. году, так и для дальнейшего повышения материального положения трудящихся.

Никольский.

К вопросу о рабочих, живущих в деревнях.

(По материалам обследования).

Известно, что в ряде промышленных губерний—особенно это относится к губерниям Центрально-Промышленной области—значительная доля рабочих поддерживает теснейшую связь с деревней, с сельским хозяйством. Есть одна категория, которая даже *живет в деревнях*, окружающих внегородские промышленные предприятия, имеет дом, ведет свое хозяйство.

Вопрос о таких рабочих еще сравнительно мало изучен. Между тем здесь, конечно, существуют совершенно своеобразные отношения, изучение которых дало бы кое-что и для методов агитпроп-культпросветработы среди самих этих рабочих, разбросанных поодиночке, небольшими и иногда значительными группами по деревням, и для некоторых вопросов жилищной политики, и для способов культурно-политического воздействия на крестьянское население, в гуще которого вращаются эти рабочие, и для многих других вопросов.

Настоящее представляет попытку подытожить обследование некоторых сторон в существовании таких рабочих по Ковровскому уезду, Владимирской губернии,—обследование, произведенное курсантами Ковровской совпартшколы. Материал касается 136 селений, в которых живет 4.344 рабочих, т.-е. 50% из общего количества рабочих, живущих по деревням. Ковровский же промышленный уезд может служить показателем для всей Владимирской губернии.

Во Владимирской губернии почти половина из общего числа рабочих живет по деревням, разбросанным кольцом вокруг каждого предприятия, имея радиус в 10—15 верст. В этих деревнях рабочие живут группами от 2 до 200 человек. Такое положение сложилось исторически: всякий фабрикант, намереваясь строить свою фабрику, ставил перед собой, в частности, следующие задачи: 1) приблизить предприятие к топливу, 2) получить дешевый клочок земли и 3) иметь дешевые свободные руки. Все три задачи он легче всего разрешал, строя свои фабрики в гуще крестьянского населения, где он получал еще дополнительную прибыль, не беспокоясь о жилье для рабочих и не производя на это излишних затрат. Иметь полурабочего, полукрестьянина было даже очень выгодно, т. к. для такого крестьянина-рабочего фабрика являлась бы подсобным заработком, а отсюда—его малотребовательность и сговорчивость; рабочий, удаленный от культурных центров-городов, рабочий, разбросан-

ный по деревушкам, меньше поддается революционному воздействию.

Куда идет рабочий, живущий в деревне, в своем хозяйственном развитии: к закреплению на земле и использованию фабрики, как источника дополнительного заработка или окончательно порывает связь с землей и деревней? Вот первый вопрос, заинтересовавший нас.

Обследованные в деревнях 4.344 рабочих живут в 3.201 хозяйстве, из которых в 71,5%—2.300—ведут хозяйство сами рабочие, а в остальных 28,5%—члены семьи. Какова физиономия хозяйств, принадлежащих рабочим?

Из 2.300 хозяйств, примерно, в половине (46%, а отдельно у текстилей—49%) руководителями хозяйств являются *работницы*. Это—по преимуществу вдовы с кучей детворы. Для них фабрика является основным источником существования, а крестьянское хозяйство подсобным. Такова одна характерная черта обследованных хозяйств.

Дальше. Далеко не все хозяйства являются земледельческими хозяйствами. Значительная доля относится к совершенно бросившим землю. Таких хозяйств насчитывается больше одной трети, примерно 35%. Остальные 65% так или иначе обрабатывают землю.

Но как они обрабатывают ее и имеют ли они возможность и средства для ведения хозяйства? Ответ должен быть дан такой: большинство (от двух третей и выше) но существу не имеет таких средств и возможностей. В самом деле, только 33% обследованных хозяйств имеют кое-какой мертвый инвентарь. Остальные 67% не имеют никакого инвентаря. Если же взять только те хозяйства, которые пользуются землей, то получится, что безынвентарных хозяйств среди них половина.

Что касается живого инвентаря, то лошадь имеют 30% хозяйств. Среди пользующихся землей 53,2% безлошадных хозяйств.

Коровы имеются у 59,5% хозяйств.

Из всех хозяйств, следовательно, могут сами произвести обработку земли лошадно-инвентарные хозяйства, т.-е. одна треть. Безлошадные, но пользующиеся землей хозяйства обычно прибегают к найму временной рабочей силы, т.-е. нанимают лошадника-крестьянина для обработки земли, таких хозяйств имеется 560 или 70% из числа от указанной группы безлошадных, но пользующихся землей хозяйств. Что касается остальных 30%, то они в сущности находятся на грани оторванности от земли и земля, по сути дела, только числится за ними.

Здесь необходимо принять во внимание, что пользование наемной рабочей силой имеет место не только у безлошадных хозяйств. Иногда и лошадные хозяйства не лишены этого. 1% из них пользуется даже постоянной рабочей силой. Это обстоятельство должно несколько повысить процент отрывающихся от земли.

После этого все хозяйства рабочих, *живущих* в деревнях, можно разбить на две группы: 1) пытающиеся так или иначе удержаться, как хозяйства, и 2) окончательно порвавшие и порывающие связь с землей. К первой категории должно быть отнесено несколько менее одной трети хозяйств рабочих. Остальные относятся ко второй группе.

О рабочих второй группы необходимо сказать, что они живут в деревне по традиции, еще не решаются отбросить хозяйство, которое им никакой пользы не приносит, а является лишь обузой, тяготой, или же живут в деревнях потому, что не позволяют жилищные условия в городе или около предприятия. Посмотрим, каковы стремления этих рабочих. Из всех хозяйств, вместе взятых,—54,5% (у металлистов—66,5%, у текстильщиков—53,5%) высказывают желание уйти окончательно из деревни, бросить свое хозяйство и жить на фабрике. Взять такие задаваемые вопросы: «нельзя ли свой дом передать в жилкооперацию и самому поселиться к фабрике»? (ф-ка К. Либкнехта). Они показательны для этих настроений.

Главное состоит тут в том, что рабочий теперь уверен в прочности своего положения на предприятии. Что его удерживает от решительного и массового движения из деревни, так это—отсутствие на фабрике жилья. В настоящее время одним из первых вопросов по работе среди рабочих, живущих в деревнях, следовательно, должно стать разрешение жилищной проблемы. Кардинальное решение ее будет, конечно, еще не скоро, но облегчение положения безусловно возможно. В частности—путем поощрения индивидуального строительства близ предприятий и разрешения вопроса с земельной площадью под строительство. Последний вопрос больше всего волнует предприятия: «негде строиться». Это и не удивительно, т. к. фабриканту не было нужды закупать или арендовать землю больше той площади, какая нужна для корпуса и двора фабрики. Разрешение земельного вопроса для строительства сильно подвинуло бы вперед дело удовлетворения жилищных потребностей. В самом деле, за последние 10—15 лет рабочими выстроено домов в деревне у 32% хозяйств (у металлистов—48%, у текстильщиков—30,5%). Они, конечно, с успехом могли быть выстроены на территории предприятия. Рабочего, живущего во владимирской деревне, следовательно, не столько закрепляет земля, сколько различные препятствия к переходу на жительство на территорию предприятия.

Это относится ко второй группе хозяйств, т.-е. порвавших и порывающих связь с землей, но с первой, т.-е. пытающихся удержаться, как крестьянское хозяйство, дело обстоит иным образом. Это—хозяйства лошадные, они имеют некоторую возможность вести хозяйство. Они стараются закрепиться в деревне, дабы этим, так сказать, «застраховать» себя на случай разных пертурбаций. К укреплению своего хозяйства они имеют больше возможностей, эта группа рабочих больше обеспечена зарплатой, ибо к ним относятся такие категории, как бригадиры, подмастерья, слесаря и т. д. Но и в отношении этой группы надо сказать, что если масса рабочих, живущих в деревнях, получит благоприятное разрешение жилищного вопроса на территории предприятия, то и они частью потянутся туда же. Конечно, известная часть будет продолжать себя «страховать».

Перейдем к рассмотрению вопросов, связанных с производственным стажем, культурным уровнем, точнее—с культурными запросами самих рабочих. Обследованные 4.344 рабочих работают на 11 предприятиях (8—текстильных и 3—металлообрабатывающих) и живут, как сказано выше, в 136 селениях, расположенных вокруг предприятий радиусом от 1 до 10 верст.

По полу они делятся так: мужчин—40,5%, женщин—59,5% (у текстильщиков—63%). По производственному стажу мы получаем следующую картину:

1) работающих	до 1 года насчитывается		6,3%
2) »	с 1 до 5 лет		17,3%
3) »	с 5 до 10 лет		20,7%
4) »	с 10 и выше		55,7%

Наибольший процент занимают, таким образом, рабочие, работающие на предприятии 5 лет и выше—76,4%. Это—те рабочие, которые испытали на себе гнет капиталистической эксплоатации, прошли школу гражданской войны. С такой группой рабочих вести работу легче, и запросы их близки к запросам основного кадра пролетариата. Но и на них есть еще в значительной мере «крестьянский» налет.

Интерес к общим собраниям имеется: 75% посещают собрания на предприятиях. Но оговариваемся, что сюда попали и те, кто бывает на них редко.

Производственные совещания посещают и посетило—18% всех рабочих. Эти факты говорят, что и для этой категории рабочих далеко не чужды интересы предприятия и профжизни. Весь вопрос во времени и в постановке докладов.

Последние перевыборы советов (ф-ка им. Свердлова—50%, живет в деревне) показали, что рабочие, живущие в деревне, интересуются не только своим сельсоветом, но и не меньше, если не больше,—жизнью поселкового совета. Участие рабочих, живущих в деревнях, в работе сельсоветов и сельсходов выражается в 39%. Своим участием в сельсоветах рабочие оказывают, естественно, некоторое влияние на крестьянскую массу в деревне.

Кооперированы рабочие на 74%, а остальные не кооперированы, как члены семьи.

Учитывая все это, надо сказать, что почва для работы богатая. Весь вопрос в том, как поставить работу в деревне.

Прежде всего, что мы имеем в области культработы? На 136 селений имеется 12 красных уголков. Это еще слишком мало. Не говоря уже о том, что красные уголки и прочие аналогичные культпросветорганизации необходимы не только для обслуживания рабочих, нужно еще отметить, что данные показывают, что в 48 деревнях из 136 рабочие сконцентрированы группами от 20 человек и выше.

Вот 5 групп селений, по числу рабочих:

I —	рабочих живет	от	5 — 10	в 35 селениях.
II —	» »	»	10 — 20	» 36 »
III —	» »	»	20 — 50	» 38 »
IV —	» »	»	100 — 200 и выше	в — 10 селениях.

Фабкомы только-только развертывают работу. Красные уголки ищут путей работы и во многом оставляют желать лучшего. Благодаря такому положению, рабочих, посещающих культпросветучреждения (рабочий клуб, избу-читальню и кр. уголок), только 32%, но и то не регулярно. Что их там интересует? Прежде всего зрелища (кино, спектакли)—50%, доклады, беседы—23%, а остальные 27% не могли вообще назвать ничего. Несмотря на такое малое посещение культпросветучреждений, предпосылки к работе имеются. Нужно итти, начиная дело постановкой зрелищ. В селениях, имеющих большое число рабочих, необходимо организовать и рабочие клубы.

Библиотек-передвижек в деревню брошено мало, а потому книг берут очень мало. Лишь 12% рабочих берут книги из библиотек, но это не только для себя, но и для семьи. С выпиской газет обстоит лучше: 33% выписывают газеты и получают в предприятиях. Хуже — дело с добровольными обществами: всего 16% состоят во всех обществах, нередки случаи, когда рабочий или работница не знает о существовании МОПР'а.

Вывод из всего указанного может быть следующий:

1) Большинство рабочих (70%), живущих в деревнях, по своему экономическому положению и запросам имеет большую тягу к окончательному «высвобождению» от земли и деревенского хозяйства.

2) Только часть рабочих (30%, а может быть и меньше) принимает все меры к тому, чтобы себя «застраховать» на случай старости и перебоев предприятия.

3) По своему производственному стажу, запросам рабочие, живущие в деревне, близко стоят к основному кадру пролетариата соответствующего предприятия, но, находясь в крестьянской массе большую часть времени, они подвержены и деревенским настроениям.

4) Парторганизациями и профсоюзами еще недостаточно развернута работа по обслуживанию этой категории рабочих и воспитанию в них пролетарски-классового чутья.

М. Бах.

Фашизм в Прибалтике.

(Краткий обзор).

I.

События последнего времени приковывают внимание СССР и всего мира к государствам, находящимся по ту сторону наших западных границ.

Нет сомнения, что приход Пилсудского к власти в мае минувшего года, фашистский переворот в Литве, неудавшиеся выступления латышских фашистов в Вольмаре, разгром Белорусской Громады, сопровождаемый небывалым террором по отношению ко всем польским нацменьшинствам, живущим на границе с СССР,—являются событиями, стоящими в тесной связи с теми интервенционистскими замыслами, которые ныне готовятся английским империализмом. Отсюда и тот неистовый вой буржуазной печати об агитаторах, оружии, директивах и инструкциях, посылаемых якобы советским правительством за границу для подготовки вооруженных выступлений против существующего там капиталистического строя. Вся эта бешеная агитация необходима правящей буржуазии наших западных соседних государств для того, чтобы подготовить почву открытой фашистской диктатуре.

Целью данной статьи является выяснение наличных фашистских организаций в Прибалтике, социально-политические корни балтийского фашизма и его внешней ориентации. Одновременно мы хотим выяснить, насколько фашизм в Прибалтике связан с административным и особенно военным аппаратом соответствующих стран и в какой мере людской фашистский материал может быть использован лимитрофами при возможном военном выступлении против СССР.

II.

Переходя к обзору фашистского движения в Прибалтике, остановимся прежде всего на Финляндии, которая может быть названа родиной международного фашизма. Финская буржуазия еще за несколько лет до прихода к власти Муссолини создала свою классовую военнопатриотическую организацию, так называемую «Охранную гвардию» («Шюцкорпусы»), потопившую в крови революционное движение в стране в 1918—19 гг. Несмотря на то, что путем террора и беспощадных репрессий финская буржуазия за последние годы в общем и целом «стабилизировалась», ее боевые фашистские отряды — шюцкоры не распущены.

Любопытна структура этих «отрядов охраны». Последние представляют собой форменную вторую *армию*, насчитывающую к настоящему времени свыше 100.000 человек. Эта «добровольная гражданская милиция», распадающаяся на 500 охранных дружин, прекрасно вооружена: шюцкорпусы снабжаются не только ружьями и пулеметами, но и пушками, аэропланами, танками, в последнее время даже траллерами. Примерно 80% охранников принимают активное участие в дружинах, остальные находятся в резерве. Социальный состав шюцкорпусов не оставляет никаких сомнений относительно классовой сущности финского фашизма. Членами охранных дружин являются в городах: буржуазная молодежь, сыновья предпринимателей, вышедшие в запас высшие военные чины, в деревнях помещики и зажиточные крестьяне. Командный состав шюцкоров, получивший образование в довоенной Германии, настроен явно монархически.

Каковы же цели этих «отрядов охраны»? Формально—«помощь административным органам при защите государства от посягательств»; *фактически* шюцкорпусы являются в мирное время боевой классовой организацией, необходимой финской буржуазии в целях устрашения—путем террора—революционных рабочих и в целях подавления—путем штрейкбрехерства—экономической борьбы пролетариата; в военное время шюцкорпусы могут быть использованы как наличная, прекрасно вышколенная военная сила, являющаяся в значительной степени более надежной, чем официальная армия, в которой имеются и «красные» элементы. Весьма важно отметить своеобразную особенность финского фашизма, которая проявляется в том, что шюцкоры включены в общую военно-оборонительную систему страны; командование шюцкоров подведомственно военному министерству Финляндии. Шюцкорпусы получают также ежегодную правительственную субсидию из бюджетных сумм. (В недавно принятом финским парламентом бюджете на 1927 год на нужды «отрядов охраны» предвидится изрядная сумма в 30 млн. финских марок). Вся территория страны разделена на 21 шюцкорский округ, во главе которого стоит окружной начальник со штабом. Главнокомандующий всеми шюцкорпусами назначается президентом государства. Легкое вооружение охранники имеют у себя дома; пушки, броневики шюцкоров находятся на сборных пунктах. Шюцкоры устраивают регулярные, иногда довольно продолжительные маневры при участии всех родов вооружений. Фактическим руководителем (хотя номинально лишь «почетным вождем») финских фашистских отрядов является палач революционного движения в стране, бывший царский генерал *Маннергейм*.

В качестве политического дополнения к шюцкорам в Финляндии существует еще «Союз Защиты Финляндии», имеющий есть отделений во всей стране. Цель этого Союза—собирание материальных средств для нужд шюцкоров, преимущественно на их вооружение, а также ведение фашистско-политической организации. Кроме того, существует еще вспомогательная женская организация (так наз. «Лотти Свярд»), об'единяющая несколько десятков тысяч «охранниц». Целью этой организации является «моральная» и материальная поддержка шюцкоров, а также санитарное обслуживание охранников.

Необходимо также отметить *международные* связи финского фашизма. Особенно тесны отношения финских шюцкоров с гер-

манским милитаризмом и с русской монархической эмиграцией. Деятели финских шюцкорпусов являются также активными руководителями аналогичных фашистских организаций в Эстонии, Латвии и Литве. Начальник Выборгского Шюцкора, капитан Каримо, неоднократно ездил в Эстонию и в Латвию для инспекции «отрядов охраны»; финские охранники являются также постоянными гостями на всех маневрах охранных дружин Эстонии и Латвии.

Несмотря на свою крупную силу, финские «отряды охраны» не являются организацией абсолютно единой: в рядах финских фашистских отрядов заметны некоторые конфликты и противоречия. Существует, прежде всего, некоторый антагонизм между монархистскими и республиканскими элементами шюцкоров. Во-вторых, часть руководителей финского фашизма считает возможным использование шюцкоров для всяких международных контрреволюционных авантюр (например, для интервенции против СССР); другая же часть рассматривает отряды охраны лишь как орудие борьбы с финским революционным движением. В-третьих, в деятельности шюцкоров наблюдаются и трения национальные, обусловленные тем, что командный состав шюцкоров—в большинстве шведы, в то время как рядовые охранники на 75%—финны. Существуют также некоторые разногласия между командованием шюцкоров и командованием армии, при чем эти разногласия зачастую принимают довольно острый характер. Дело в том, что командование фашистских шюцкоров считает армию недостаточно благонадежной и требует усиления шюцкоров, увеличения соответствующих бюджетных субсидий и одновременного ослабления армии.

Но несмотря на все эти «внутриорганизационные» разногласия и конфликты, финский фашизм до настоящего времени не раскалывался. Боязнь перед революционным пролетариатом все еще велика и служит цементирующим элементом для финского фашизма.

Почему же финская буржуазия, обладая столь мощной фашистской организацией, не перешла к открытой фашистской диктатуре? Потому, что и без открытой диктатуры финская буржуазия под покровом конституционализма и демократического парламентаризма проводила, когда это было ей нужно, явно фашистскую диктатуру. Ведь до последнего времени Финляндией правили правительства буржуазной коалиции, не стеснявшейся никакими средствами в борьбе против революционного движения в стране. Для иллюстрации того, в какой мере финская буржуазия считается с парламентаризмом, достаточно привести факт недавнего прошлого: в конце 1923 года правительство арестовало всю парламентскую лево-социалистическую фракцию в составе 27 человек...

Однако, если до сих пор финская буржуазия не перешла к открытой фашистской диктатуре, нельзя сделать вывода, что это навсегда. Как раз теперь *угрозы фашистской диктатуры в Финляндии возрастают.* В середине декабря минувшего года к власти пришел впервые за последние 8 лет, чисто социал-демократический кабинет. Несмотря на то, что финские эсдеки ни в чем не отличаются от остальных партий II Интернационала, не вселяющих особого страха буржуазии, и несмотря на то, что нынешний эсдековский кабинет в Финляндии может существовать исключительно по милости буржуазного парламентского большинства, один лишь приход к власти эсдеков вызвал усиление деятельности фашистских организаций, зорко следящих за работой нового кабинета. Возможность фашистского переворота в Финляндии не исключена в том случае, если стоящие у власти эсдеки ничего не предпримут в борьбе с фашизмом и в то же время помешают проведению единого пролетарского фронта. Трудно, однако, представить, что эсдеки в какой-либо мере помешают дальнейшей работе фашистских шюцкоров. Лишь недавно (декабрь 1926 г.) часть (правда, незначительная) финских эсдеков выступала в парламенте при обсуждении бюджета министерства обороны на 1927 г. с открытой защитой шюцкоров, называя их «стражем демократического правопорядка». Правая часть финских эсдеков даже голосовала в парламенте за предоставление субсидий отрядам охраны. Вот почему угрозу фашистского переворота в Финляндии нельзя считать исключенной.

III.

Фашизм в Эстонии. В Эстонии, как и Финляндии, фашистские организации тесно переплетены с административным и военным аппаратом. И в Эстонии существует огромная армия (20—25 тыс. человек) фашистов, организованная в «отряды охраны». Эти отряды образовались при прямом участии правительства после неудавшегося революционного восстания ревельских рабочих и солдат 1 декабря 1924 г. Но уже до того времени в Эстонии существовали фашистские организации, как полувоенная—так наз. «отряды охранников», так и политическая—т. н. «Эст. народно-либеральная партия». «Отряды охотников»—классовая организация зажиточного крестьянства, домовладельцев, предпринимателей и банкиров. «Охотники» прекрасно вооружены, проходят регулярное военное обучение; их главная задача терроризировать революционное движение, нагнать страх на пролетариат. Широких симпатий эти фашистские банды не привлекают, главным образом, вследствие своей ярой реакционности, а также по той причине, что большинство «охотников»—лица с криминальным прошлым, бывшие сыщики и подонки общества. Небольшой симпатией пользовалась также политическая организация эстонского фашизма—упомянутая «нар.-либ.» партия, руководившаяся адмиралом Питкой, который отличился зверскими расправами над эстонскими пролетариями в 1918—19 гг. При выборах в 1923 году эта партия получила 4 парламентских места, а в 1926 г.—ни одного.

Ревельское восстание декабря 1921—22 г. убедило эстонскую буржуазию в том, что, несмотря на жестокие преследования рабочего движения и на террор «отрядов охотников», настроение эстонского пролетариата все еще революционное. У всех в памяти небывалое «кровопускание», совершенное после революционного восстания эстонской буржуазией (вкупе с социал-демократией, вступившей сейчас же после восстания в кабинет широкой коалиции) и ее вождем генералом Лайдонером, и стоившее жизни многим сотням лучших борцов за дело эстонского пролетариата. Однако, буржуазия не удовлетворилась кровавым террором, применяемым еще до сих пор против революционного движения в стране, и, желая себя обеспечить от возможного повторения революционных выступлений, создала сеть военно-фашистских

организаций, построенных по типу финских шюцкоров. Эстонские «отряды охраны», организованные во всех городах и деревнях, комплектуются исключительно из буржуазных слоев: в городах в «отряды охраны» входит студенчество, гимназисты старших классов буржуазного происхождения, сыновья домовладельцев и предпринимателей; в деревнях—кулачество. И тут отряды охраны, помимо крупных частных пожертвований, получают поддержку—в порядке бюджетных ассигнований—от министерства обороны. И тут «отряды охраны» по своей структуре исполняют двоякого рода функции: в мирное время—боевого защитника властвующей буржуазии, в военное время—добавочной армии, превосходящей по численности и по «благонадежности» действительную армию Эстонии.

Как и в Финляндии, эстонская буржуазия, несмотря на наличие столь мощной фашистской организации, не провозглашает открытой фашистской диктатуры. И в Эстонии буржуазия предпочитает править под сенью парламентаризма и демократии, не останавливаясь в борьбе против революционного движения перед самыми зверскими расправами.

IV.

Переходим к фашистскому движению *в Латвии*, где угроза правого переворота наиболее актуальна. Рассмотреть всю сеть националистических, патриотических, юношеских военных организаций, образующих в совокупности реальную опору латышского фашизма, мы тут за отсутствием места не можем. Остановимся поэтому на наиболее характерных и влиятельных фашистских организациях в Латвии.

Сюда относятся, в первую очередь, латвийские «отряды охраны» (т. н. «айзсарги»), организованные опять-таки по типу финских шюцкоров. Характерной особенностью этих отрядов в Латвии является то, что их место деятельности почти исключительно деревня, волость, село; в городах «отрядов охраны» до последнего времени нет. Латвийские «айзсарги» вооружены, проходят регулярную военную службу, разделены на взводы, роты, батальоны, полки. Такие полки «охранников» находятся в каждом административном округе и командуются местными окружными начальниками и подведомственны в административных делах министерству внутренних дел, в делах военных—военному ведомству. Кроме оружия, в распоряжении полков «охранников» находятся также пулеметы и легкая артиллерия. Число этих «охранников», по официальным данным за 1925 г., равно 18.500, при чем в это число входят только активные «айзсарги». Едва ли будет преувеличением сказать, что к настоящему времени количество всех «охранников»—активных (проходивших военную службу в армии), пассивных (деревенская кулацкая молодежь, обучающаяся стрельбе) и резервных, доходит *до 30—35 тыс.* и, таким образом, превосходит по численности действительную армию Латвии, насчитывающую в мирное время 22—25 тыс. штыков. Каков же социальный состав этих охранников? По официальным данным, зажиточных крестьян в отрядах охранников—52%, крестьян-середняков и новохозяев—26%; остальные—патриотически настроенные сельскохозяйственные рабочие (?) и батраки. Как мы видим, решающая роль среди «охранников» принадлежит кулачеству, которое и является полным хозяином в деревне, терроризируя всякое прогрессивное движение, в первую очередь, профессиональные и культурные организации сельскохозяйственных рабочих, число которых в Латвии достигает 200.000.

Однако, в задачи «айзсаргов» входит не только борьба с революционным движением в стране. «Отряды охраны должны стать также основой в борьбе против внешних врагов»,—так пишет официальный орган охранников [1]). При обсуждении сметы министерства обороны в бюджетной комиссии генерал Балодис (б. главнокомандующий латв. армией, ныне один из вождей кулацкого «крестьянского союза», стоявшего до последнего времени у власти), выступив против предложения эсдеков о ликвидации отрядов охраны, заявил: «60% охранников служило в национальной армии. Охранники ныне лучше вооружены, чем наша армия в 1919 г. Поэтому с ними нужно считаться *как с военной силой*. Институт «айзсаргов» необходимо не ликвидировать, а расширить». И нужно отметить, что забота об «охранниках» совпадает с бешеным вооружением, производимым Латвией. Достаточно сказать, что в бюджете на 1926 г. на военные расходы отпущено 46 млн. латов (1 лат=50 латв. р.—$37^1/_2$ з. коп.) из общей суммы расходов в 166 млн. лат, т.-е. почти 28%! Специально на нужды «отрядов охраны» было ассигновано $14^1/_2$ млн. латв. р.; отпущено также 160.000 орудийных снарядов. Кроме того, «отряды охраны» получают суммы из местных (волостных и местечковых) бюджетов.

Как в Финляндии, так и в Латвии шюцкоры имеют 2 вспомогательных организации: 1) «Общество охраны Латвии», ведущее патриотически-милитаристическую агитацию, собирающее деньги для обороны страны, издающее милитаристически фашистский ежемесячник и заботящееся о «культурном развитии» охранников. В члены этого общества входят исключительно высшие военные чины, фашистская интеллигенция, фабриканты, домовладельцы и пр., 2) «Отряды охранниц» (т. н. «Aizsardzu nodalas»), построенные по типу финских «Lotty sward». Охранницы в Латвии» начали организовываться только к началу 1926 г. и насчитывают к настоящему времени свыше 130 отрядов и 3.000 членов.

Вынужденная под напором пролетарских масс отказаться от намерения создавать аналогичные отряды охраны и в городах, латвийская буржуазия создала в городах целый ряд явно и скрыто фашистских организаций: «Лат.-Нац. Клуб», «Страж Отчизны», «Страж Латвии», «Союз Лат.-Нац. Молодежи», «Нац. Союз Латв. Воинов», «Соколы» и пр. Наиболее влиятельной и многочисленной среди них является «Латвийский Нац. Клуб», являющийся боевой милитаризованной организацией, которая в течение последних трех—четырех лет открыто готовится к установлению в стране фашистской диктатуры. Будучи организацией «надпартийной» и «надклассовой», Л. Н. К. пользуется моральной и материальной поддержкой всех правых реакционных буржуазных партий Латвии. Эта наиболее активная фашистская организация, комплектующаяся преимущественно из буржуазных слоев и студентов и учеников средних классов гимназии, проявляет свою

[1]) «Aizsargs» («Охранник»). Рига, № 3, 1926 г., стр. 81.

деятельность главным образом в срыве рабочих собраний и демонстраций (преимущественно первомайских), в штрейкбрехерстве (ЛНК-истами срываются все забастовки транспортников и грузчиков) и в подготовке вооруженного фашистского переворота. Л. Н. К. тесно связан с верхушкой генерального штаба (шефами Л. Н. К. были нынешний инспектор армии врангелевец, генерал Радзиньш, генерал Бертис, полковник Тютис и др.) и с политохраной, большинство его членов вооружено и проходит регулярную военную службу. Вообще вся организация военизирована, распадается на отряды, образующие целую иерархию. Вожди Л. Н. К. поддерживают тесную связь с литовскими, польскими и особенно с итальянскими фашистами, от которых они переняли даже форму. Насчитывает Л. Н. К. вместе со своими 80 отделениями, раскинутыми по всей стране, около 3.500 членов. Фашистское движение в Латвии успело себя в значительной степени скомпрометировать в результате целого ряда чисто хулиганских криминальных проделок, в которых были замешаны активные руководители Л. Н. К. Дело дошло даже до вмешательства властей и закрытия Л. Н. К., продолжавшего, однако, свою работу под фирмой «Клуб латышских националистов».

В начале 1926 г. произошел даже раскол, и часть «эленкистов» образовала новую организацию «Страж Латвии», во главе которой стал некий Давис, ездивший в 1925 г. от имени Союза латвийских домовладельцев на Парижский конгресс оберовской «Лиги по борьбе с III Интернационалом». Этот раскол, как и наличие многочисленных организаций, не исключает, однако, об'единенных действий фашистских организаций: существует институт, «Конгресс латвийских националистических организаций», периодически собирающийся и избирающий «исполкомы» фашистских организаций. Ближайший всеслатвийский фашистский с'езд назначен на апрель с. г.

Заметно оживилась деятельность латышских фашистов в самое последнее время, после литовского переворота, совпавшего с образованием левобуржуазно-социалистического кабинета в Латвии. Реакционная латышская печать открыто восхваляла литовских фашистов и подняла бешеную кампанию против левого латвийского кабинета; правые газеты открыто угрожали эседекам повторением в Латвии ковенских событий 17 декабря. ЛНК 18 декабря посылает приветственные телеграммы Плеховичесу и пытается устроить в Риге уличную демонстрацию в честь победы литовских фашистов. По всей стране ведется самая явная подготовка к вооруженному фашистскому перевороту, об этом сообщает вся мировая печать, о том же неоднократно предупреждает эседеков Рижское Центральное Бюро Профсоюзов, об'единяющее все революционное движение в стране. Наконец, в ночь на 21-е января происходит первая попытка фашистского переворота—неудавшееся выступление лейтенанта Олина в Вольмаре (наиболее фашистски настроенном провинциальном городе). Теперь уже нет никаких сомнений в том, что Вольмарское выступление должно было быть лишь началом к свержению правительства и к установлению фашистской диктатуры, давно уже подготовляемой фашистскими организациями. Однако, эседековский премьер Скуйенек, представителям печати заявляет, что выступление Олина не носило политического характера (!).

в том же духе высказывается генерал Бангерский, военный министр после получения отчета о следствии, произведенном в Вольмаре посланными туда... тремя фашистскими генералами. А эседеки? Они лишь теперь, после событий в Вольмаре, заговорили об угрозах правых «путчей». Правда, по последним сведениям, эседековское правительство решилось на смелый акт и арестовало одного фашиста, главного руководителя ЛНК, Попе (как незадолго до 17 декабря правительство Слежевича решилось арестовать одного Гловацкого). Но одновременно эседековское правительство *освободило из тюрьмы всех участников Вольмарского путча* (кроме одного Олина); а по всей стране проводятся систематические преследования *против левых профсоюзов*. Арестован ряд деятелей левого профдвижения, конфискуются все без исключения издания левых союзов, требующих энергичной борьбы с фашизмом. По последним сведениям, эседеки и реформистский профсоюзный центр *отказались* от предложения левых профсоюзов о создании единого пролетарского антифашистского фронта.

Как мы видим, в Латвии повторяются литовские события; фашисты энергично готовятся к перевороту; мягкотелое правительство не решается на активную борьбу с фашистами и преследует революционное движение, а эседеки не идут на единый фронт, тем самым облегчая победу фашизма.

V.

Таково положение фашизма в трех балтийских странах—Финляндии, Эстонии и Латвии, где нет еще фашистской диктатуры. В Литве и Польше фашизм уже у власти.

Каково же положение в этих странах? И в Польше, и в Литве мы имеем полное разложение парламентаризма: сеймы терпятся лишь постольку, поскольку они угодны сидящим у власти диктаторам и тем социальным слоям, на которые диктатура опирается. Вольдемарас, не стесняясь, заявляет, что сейм будет немедленно распущен, если он выразит недоверие его правительству [1]). Пилсудский продолжает еще кокетничать с сеймом, так как последний сменил гнев на милость, и польская буржуазия «приняла» режим Пилсудского со всеми его «причудами». И в Польше, и в Литве фашистская власть обрушивается всей силой государственного аппарата на трудящиеся массы: варшавское правительство устраивает кровавую расправу над Белорусской Громадой, об'единяющей сотни тысяч трудящихся белорусских крестьян, терроризует трудящееся население Западной Украины, применяет небывалый террор против всего революционного движения в стране. В области внешней политики мы имеем в Польше Пилсудского—рост милитаризма и откровенные заявления о необходимости расширения польских границ. «На Восток—за Буг, за Днепр!» в Польше ведется систематическая подготовка «поглотить» Литву, чтобы по указке Лондона создать удобный трамплин для возможной интервенции против СССР.

В Литве аналогичные явления: зарвавшаяся христианская буржуазия, не довольствуясь зверской расправой над 4 наиболее преданными, наиболее нужными вождями литовских трудящихся, выносит новые массовые смертные приговоры. Профдвижение разгромлено и обезглавлено. Отменены все «демократические сво-

[1]) См. «Rigasche Rundschau» от 31 янв. 1927 г.

боды». Запрещены стачки, собрания рабочих. Введено военное положение, установлена цензура. Восстановлена неограниченная власть иезуитских ксендзов. Как и в Польше, нацменьшинства в Литве терроризируются. Какова же внешняя ориентация фашистской Литвы? Для «внутреннего употребления», для обмана масс Вольдемарас попрежнему продолжает требовать от Польши возвращения Вильно. А на самом деле, ведутся полуофициальные и секретные переговоры с Польшей, о которых беспрестанно сообщает рижская, виленская, варшавская и берлинская печать. По неопровергнутым сообщениям, в конце января в Ковно велись неофициальные переговоры между эмиссаром Пилсудского—дочерью польского князя Радзивилла—и Вольдемарасом. А в начале января, уже по сведениям польской официозной печати, начались переговоры между представителями Литвы и Польши в Вильне, притом, как сообщает хорошо информированная рижская «Яунакас Зиняс», эти переговоры ведутся при участии специально приехавшего в Вильно английского посланника в Прибалтике, мистера Воона. Мы не знаем, о чем конкретно ведутся эти переговоры, но нет сомнения, что в миссию Воона входит «примирение» фашистской Литвы с Польшей, без которого немыслимо создание широкого антисоветского балтийского блока под руководством Польши и общим дирижерством Англии. Не случайно, конечно, Воон в беседе со Сметоной заинтересовался, по сообщению литовского официоза «Лиетува», вопросами экономического сближения Литвы с Польшей. И не случайной, конечно, является совершенная на-днях поездка директора Литовского Государственного Банка Юргутиса *в Лондон с целью заключения внешнего займа*, обещанного Англией, которая, как известно, применяла по отношению к Литве Сляжевича кредитную блокаду. Яснее ясного, что если не сегодня, то завтра фашистская Литва впадет в об'ятия Польши.

Данный выше обзор фашистского движения в Прибалтике и краткий анализ положения в Польше и Литве показывают, что вокруг СССР куется—и покуда не безрезультатно—фашистское кольцо. При прямом содействии английского империализма, готовящего интервенцию против СССР, наши западные соседи смыкаются в фашистский антисоветский блок.

Но этого блока еще нет; фашистское ожерелье, обрамляющее СССР, еще не сомкнуто. Английские интервенционисты не заручились покуда еще поддержкой Германии участвовать в возможной интервенции. Еще продолжается торг в мининделах «великих» держав: Германия, надеясь—и не беспричинно—на поддержку в данном вопросе со стороны Англии, требует изменения версальских границ, в первую очередь уничтожения Данцигского коридора; Польша покуда упорствует и устами Залесского торжественно заявляет «ни пяди польской земли», «все как один на защиту отечества»....

Однако, фашизация лимитрофов, несомненно, усиливает опасность интервенции. Не случайно, конечно, фашизация лимитрофов проводится как раз в то время, когда СССР ведет с Прибалтикой переговоры о заключении гарантийного договора, имеющего целью умиротворение Восточной Европы.

Все это говорит о необходимости быть на страже. Бдительность трудящихся СССР не должна быть ослаблена.

Андрей Червонный.

Спорные вопросы новейшей истории Персии.

Вот уже несколько лет, как между исследователями новейшей истории Персии идет неумолчный спор о характере происходящих там процессов дифференциации и о роли крестьянства в судьбах этой страны.

Но никогда еще этот спор не был так заострен, как именно теперь, после помещения в газете «Правда» за ноябрь 1926 г. статьи тов. Мирзы, под названием: «Мы, они и Персия», и после статьи т. Висанова в журн. «Новый Восток», № 15 за тот же год. Остановимся сначала на статье т. Мирзы.

Тов. Мирза, поставив все точки над «и», пытается утвердить одну из самых ошибочных оценок вопроса о персидском крестьянстве.

А что это так, свидетельствует тот факт, что хотя статья Мирзы на две трети посвящена спору с журналом английских империалистов «Нир Ист» («Ближний Восток») и в этой своей части разногласий не вызывает, тем не менее, помещая ее, ЦО вынужден был сопроводить ее следующим редакционным заявлением: «*Некоторые ее (статьи) положения, касающиеся предпосылок аграрного движения в Персии, представляются спорными*» (курсив наш).

Начнем с основного утверждения автора:

«*Внимательные наблюдатели* (курсив наш. *А. Ч.*),—говорит тов. Мирза,—давно уже задавали себе вопрос, почему в Персии, где аграрные условия поистине ужасны, нет аграрного, т.-е. крестьянского движения в какой-либо форме (кроме бандитизма, который, в сущности, является одной из таких форм). ...«*Легкомысленные* (курсив автора) же наблюдатели, наоборот, путали аграрные условия с аграрным движением и вопрошали, почему бы не создать аграрного движения, раз имеется аграрный вопрос».

Пусть не удивляет вас, читатель, эта явно неправильная, чтобы не сказать больше, квалификация «аграрных условий», как антипода «аграрного движения». Такое противопоставление «условий» «движению» в крестьянской полуколониальной стране можно было бы об'яснить оговоркой или опиской, если бы автор не развивал дальше в своей статье разграничительных черт употребляемых им понятий.

Но оставим открытым вопрос об антимарксистской сути этих противопоставлений.

Перейдем к оценке утверждений автора по существу.

Правда ли, что Персия—страна полукрепостных крестьян и крепостных кочевников-скотоводов —не знала и не знает аграрных движений, хотя и недостаточно мощных?

Конечно, неправда и неправда вопиющая. Как мог не знать т. Мирза про аграрные движения, имевшие место в 1920 и 1921 годах в образе крестьянского движения в Гиляне, возглавляемые такими революционерами, как Кучик-Хан, Гайдар-Хан и Эхсанулла-Хан? Как мог т. Мирза, претендующий на марксистский анализ, не вспомнить про эти классические примеры возникновения на базе «поистине ужасных аграрных условий» аграрного движения?

И в то время, когда генерал английской армии Денстервиль в своей книге «Поход на Кавказ и Персию» видел силу движения гилянских революционеров не в его вождях, а в том, что они под рукой имеют источник «добровольных формирований отрядов крестьян, пришедших в состояние революции на почве аграрных отношений», *т. Мирза проглядел это чисто аграрное движение.*

Или, как он мог забыть о другом большом аграрном движении, имевшем место почти в то же время в Хоросане, в виде восстания Мамед-Таги-Хана? А, ведь, там пришло в движение большинство крестьянского населения богатого Хоросанского района, по местам гулял красный петух, захватывались помещичьи земли и имущество, была прекращена барщина, шла открытая аграрная революционная борьба.

В органах, изучающих революционные и аграрные движения Востока, имеется ряд материалов, которые так оценивают движение хоросанских крестьян:

«*Части Мамед-Таги-Хана были сформированы из местной крестьянской бедноты, разоренной помещичье-феодальным гнетом и экономически вытесненной из своего скромного хозяйства*».

И далее:

«В движении Таги-Хана эти революционные институты... нашли особенно яркое *выражение, и восстание весьма скоро приняло аграрный характер* (курсив наш. *А. Ч.*). *Помещичьи и ханские земли начали захватываться крестьянами при прямой поддержке войск*. Ханы и помещики арестовывались и заключались в тюрьму. Во многих местах были отменены поборы с крестьянского населения в пользу помещиков и атаманов разбойничьих племен».

Или, чем об'яснить слепоту т. Мирзы насчет недавнего движения крестьян в Гиляне, Салмасе и Персидском Азербайджане? Чем об'яснить то, что в решимости отчаяния крестьянская масса этих районов не раз уже добровольно шла за призывом иной раз довольно подозрительных по связям с англичанами отдельных (конечно, далеко не всех) вожаков подобных движений? Уж не тем ли, что в Персии есть «аграрные условия», но нет «аграрных движений»?

Однако, у нашего марксистского исследователя на этот счет своя донельзя упрощенная формула: *все эти восстания вызваны «чьей-то рукой», т.-е., иначе говоря, англо-агентами, и ни в какой мере крестьянскими, революционными не являются.*

Чтобы установить вопиющую ошибочность утверждения тов. Мирзы, необходимо разобраться в дошедшем до нас материале о восстаниях в Салмасе, Хоросане и Гиляне в 1926 г.

Прежде всего: как там фактически обстояло дело?

Начнем с *салмасского* восстания, оговариваясь, что мы пользуемся при этом показаниями местных информаторов, основанными на личном наблюдении.

Вот что говорят они о восстании в Салмасе:

«В восстании принимало участие не 180 человек, как сообщали официальные персидские источники, а около 700 чел. Восстание имело ярко антиправительственный, антишахский характер. Восставшие солдаты, набранные из числа окрестных крестьян, ввели принцип *выбора* начальствующих лиц, сорвали с офицеров погоны. Но восставшие солдаты действовали без должного руководства. Однако,—заявляет один из упомянутых информаторов,—*в последнее время персидские солдаты, безусловно, политически выросли*. Большинство из них—старые служаки, видевшие разные порядки, и *нет сомнения*, что *большевистская Россия оказала свое действие на умы персидских солдат*, особенно северных провинций, и сознательная часть прилично разбирается в положении Персии (напр., «наблюдаются такие разговоры: «Большевики не врут: что говорят, то и делают; не то, что персы—обещали и ничего не дают»)».

О том, кто сочувствовал движению, наш информатор говорит, что «*купечество ожидало и ожидает переворота*», поэтому «сочувствовало восстанию», но «боялось грабежей». Крестьянство «*безусловно было на стороне восставших*». Об отношении к восстанию городской демократии информатор пишет:

«*Разночинцы, ремесленники в большинстве также были на стороне восставших*».

Кто боролся активно против восстания?

Враги этого движения сочинили лживую версию, что будто «ханы вооружились и рыли окопы». В действительности «*ханы и реакционные части курдов оказали главную поддержку власти в подавлении восстания*».

Еще в июне 1926 г., т.-е. до начала восстания, другой персидский информатор писал:

«*Ханы идут на сближение с военными*, стараясь использовать их силу в своих интересах и, в первую очередь, для восстановления своего господства в имениях... Ханы в своих требованиях стали проявлять желание *восстановления прежних своих прав в целом*».

Переходим к *хоросанскому восстанию*. Кое-кто из наших советских литераторов прямо об'явил его «английской провокацией»—и только. Какие они имели для этого основания? Главное и единственное «основание»: незадолго до восстания в Хоросанской провинции побывал английский консул и, кажется, даже английский военный атташе, г. Фрейзер. Отсюда создалась версия, что *только* англичане подготовили восстание, что они организовали повстанческий ревком. Англичане, конечно, по этой части народ ловкий, охулки на руку никогда не положат, раз имеется возможность воздействовать на правительство полуколониальной страны, выражаясь фигурально, и лаской официального признания и кулаком—поддержкой восстаний. Однако, от того, что если даже англичане, как истые империалисты-диалектики, стремясь использовать *всякое* крупное общественное движение, пытались использовать и данные движения, то из этого вовсе не следует, что классовая суть этих движений переродилась и они превратились в английские, т.-е. в скрытую форму интер-

венции против национально-революционного движения данной страны. Что касается района Хоросана, дело обстояло как раз наоборот. Здесь англичане прямо помогали правительству феодалов и помещиков задавить революционное движение, охватившее богатый и громадный район, ведущий к районам прямого английского влияния—Сеистана, Белуджистана и к границам ревностно оберегаемой ими от революционной заразы Индии.

Вот почему еще больший интерес для изучения вопроса представляет материал, даваемый местными информаторами о развитии хоросанского восстания 1926 г., о силах в нем участвовавших и его питавших.

В свете этих данных вот как рисуется картина этого, несомненно, крестьянского и национально-революционного движения:

1. Центр организации, руководившей восстанием «Комитее Падашизм» (т. е. «Комитета Возмездия»), находился в местечке Марава-Тапе. Революционеры имели там своей базой гарнизон этого местечка, состоявший из 200 человек кавалеристов-белуджей, 150 человек пехотинцев и 50 пулеметчиков. Организация имела значительные связи среди крестьян района. Во главе ее стоял сподвижник по движению 1920 года Мамед-Таги-Хана—Салар Дженг. Накануне восстания офицеры гарнизона, руководимые офицером-провокатором, до того державшим связь с революционерами, устроили экстренное собрание всех офицеров гарнизона и решили на нем для предотвращения восстания арестовать «зачинщиков». Это обстоятельство и заставило революционеров форсировать выступление.

2. Выступление было начато арестом офицеров,—часть коих бежала,—и срочной подготовкой похода на Буджнурд, где был расположен значительный солдатский гарнизон и имелись солидные связи. Выступив из Марава-Тапе по направлению на Буджнурд, восставшие войска встретили первый отряд правительственных войск в 300 человек. Началась перестрелка. Солдаты правительственного отряда держались пассивно, стреляли из пулеметов только офицеры. В результате двухчасового боя правительственный отряд был разбит, часть офицеров бежала, большая часть солдат перешла на сторону восставших, а один офицер был взят в плен. Дорога на Буджнурд была открыта, и революционеры двинулись по этому направлению.

3. В Буджнурде находился гарнизон в 800 солдат, приведенный в полную боевую готовность. Однако, при продвижении войск восставших, офицеры гарнизона бежали, солдаты все перешли на сторону восставших, и город фактически был занят без боя. Заняв город, имеющий значительную крестьянскую периферию, восторженно встречавшую восставших, последние об'явили всенародный митинг, на котором присутствовало несколько тысяч человек, и в том числе и масса окрестных крестьян. После программных речей, в которых революционеры излагали свою программу—конфискация земли и имуществ помещиков и крупных агентов правительства, наделение землею крестьян и пр.,—митинг заслушал требования окрестных крестьян, арестовавших крупнейшего в округе, славившегося своими зверствами феодала-помещика Хаджи-Амаля, судить его всенародным судом. Было решено судить Хаджи-Амаля совместно с четырьмя взятыми в плен офицерами, выбранным тут же военно-революционным трибуналом. В его состав вошло около двух десятков солдат и крестьян.

После опроса и ряда обвинительных речей со стороны солдат и крестьян по адресу обвиняемых, все они по единогласно выраженному решению митинга были присуждены трибуналом к расстрелу. В тот же день вечером приговор был приведен в исполнение. Имущество казненного феодала было передано крестьянам.

4. В Буджнурде революционеры об'единили свои силы с местным гарнизоном. В результате они имели уже около 1.500 штыков и несколько пулеметов. Сместили реакционеров со всех постов и поставили во все правительственные учреждения своих людей. В Буджнурде революционеры оставили отряд в 100 человек, а второй отряд в 200 человек отправили в Сабзевар с заданием перерезать дорогу Мешед—Тегеран, откуда могли появиться правительственные войска. Главные же силы—1.200 солдат—они готовили для движения на Кучан и Мешед.

5. В Буджнурде революционерами было созвано три больших народных митинга, на которых присутствовала масса окрестных крестьян. На митингах революционеры выдвигали платформу национальной революции: освобождение народа от помещиков и знати, наделение крестьян землею и демократизация армии.

На одном из этих митингов всенародным голосованием окрестного крестьянства и городской мелкоты (ремесленников, мелких торговцев и ремесленных рабочих) было решено приступить к немедленной организации в Буджнурде органа народного управления и самоуправления—энджумена [1]) и было декларировано, что по занятии Мешеда повстанцами там будет созван областной с'езд для создания областного энджумена. На митингах было решено, что от выборов в энджумены должны быть устранены с лишением не только активного, но и пассивного избирательного права все помещики, духовенство и аристократия. Для наблюдения за ходом выборов революционерами были выделены два комиссара: один из них ремесленник-текстильщик, а другой—металлист.

6. После суда и расстрела крупнейшего помещика и феодала Хаджи-Амаля и четырех офицеров, смертью которых восставшие крестьяне мстили всему помещичьему классу и рьяно ставшему на его защиту теперешнему режиму, в Буджнурде был об'явлен всенародный праздник, на который из окрестностей явилось много крестьян. Крестьяне засыпали революционеров просьбами послать отряды то в тот, то в другой район, чтобы расправиться и там с их врагами-помещиками и феодальными ханами. Революционеры указывали, что движением на Мешед они ставят себе задачу разгрома помещиков и феодалов, как оплота монархии Реза Пехлеви. За время нахождения революционеров в Буджнурде их отряды все время пополнялись притоком добровольцев из окрестных крестьян.

7. В Буджнурде революционеры взяли в малие (финотдел) 8 тыс. туман (16.000 р.) и после долгих споров о том, облагать ли капиталы торговцев, решили: в виду того, что владельцы

[1]) Энджумен—орган самоуправления, намеченный программой первой персидской революции. *А. Ч.*

крупных капиталов, помещики и аристократы, из города бежали, а их капиталы находились вне пределов досягаемости, где-нибудь в англобанках, то, не становясь на путь конфискации капиталов у средних и мелких торговцев, произвести у них заем в 7 тысяч туман (14.000 руб.). Таким образом, у революционеров образовался денежный фонд в 30.000 рублей. Заимодавцам было обещано, что по взятии Мешеда долг будет покрыт полностью.

8. Войска повстанцев получали продовольствие и фураж путем покупки его у населения, что совершенно необычно в условиях Персии, где войска привыкли добывать довольствие грабежами. Вследствие этого крестьяне, на пути следования отрядов революционеров, выходили им навстречу и преподносили традиционный подарок—сноп хлеба. Духовенство и помещики всюду бежали.

9. После этого главные силы повстанцев—1.200 человек, под командой руководителей восстания и в сопровождении их руководящего органа—Комитее Падашизм—были двинуты на Ширван (в сторону Кучана). По направлению на Ширван их встретил правительственный аэроплан, сбросивший письмо от Реза-Шаха. В нем шах писал, что он, государь Пехлеви, «всех восставших против установлений и собственности, освященных богом и представленных царем-царей, призывает сдаться, указывая, что в противном случае они будут уничтожены».

Одновременно разведка донесла революционерам, что правительственный отряд в 300 человек перерезал им дорогу. Действительно, в одном фарсахе (семи верстах) от Ширвана, войска революционеров наткнулись на этот правительственный отряд, и после четырехчасового боя, при явной поддержке жителей, разбив его, вошли в город. Вслед за революционерами в город стало стекаться окрестное население. На устроенном революционерами митинге помимо горожан присутствовало свыше тысячи человек крестьян. Руководители восстания выступали с речами, излагая в них основные чаяния крестьянства: борьбу с помещиками-феодалами и поддерживающими их англичанами. Выступившие на митинге крестьяне сообщили революционерам, что правительство и местные феодалы собрали в Кучане 1.500 чел. войска и усиленно формируют из людей самого разбойничьего феодала—буджнурдского хана племени «Шадиллу» [1]—новые отряды против революционеров.

10. Оставив в Ширване отряд в 50 человек, пикеты по тракту, и заняв посты всех местных правительственных учреждений своими людьми, революционеры двинули свои главные силы к Кучану. По дороге все время обслуживавшие их сведениями о противнике крестьяне сообщили, что в старом Кучане сосредоточился значительный отряд правительственных войск. И, действительно, у старого Кучана революционеры были встречены пулеметным огнем. Дело было около 4 час. утра. Пришлось принять бой. Сражение отличалось упорством как с той, так и с другой стороны и продолжалось непрерывно 12 часов. В результате правительственные силы были разбиты и бежали в Кучанские горы, потеряв 50 убитых и столько же раненых. Потери повстанцев—6 убитых и 10 раненых. Выиграв сражение, революционеры двинулись в новый Кучан. В 5 час. вечера, при громадном скоплении и энтузиазме населения (всего в городе около 20 тысяч), вышедшего за две версты навстречу повстанцам, они вошли в Кучан. Духовенство, помещики и крупные чиновники также разбежались. Революционеры тотчас же назначили во все правительственные учреждения своих людей. До поздней ночи Комитее Падашизм принимал от населения жалобы на причиненные ему помещиками, ханами и чиновниками обиды.

[1] Курды же из племени «зафараилу» сочувствовали революционерам, но оружия не имели.

11. Утром на следующий день над Кучаном появились два правительственных аэроплана и начали сбрасывать бомбы. Революционеры, имея один пулемет, обстреляли их, и аэропланы вынуждены были скрыться. Днем в Кучане происходили митинги и организовывались выборы в местный энджумен. На митингах принимало участие много крестьян и даже крестьянок. Вечером революционеры получили от прибывших из Чанарана крестьян сообщение, что в 12 фарсахах (84 верстах) от Мешеда, по заданию правительства, местные помещики и ханы спешно формируют новые отряды и правительство подвозит туда вооружение и амуницию, что начдив хоросанской дивизии Джан-Мамед-Хан отдал приказ послать из Мешеда в Чанаран, в качестве кадра, 700 человек регулярных войск, что солдаты мешедского гарнизона от выполнения этого приказа отказались, вследствие чего 300 человек их брошено в подвал ужасной мешедской тюрьмы. Разведчики сообщили, что тогда начдив решил мобилизовать всех стрелков бывшей англо-персидской бригады и курдов, несших английскую службу в период империалистической войны. Сообщения эти полностью подтвердились. В 4 часа утра следующего дня Кучан и расположение революционных частей были подвергнуты бомбометному огню с 4-х аэропланов. Около 20 человек мирных жителей было убито. Среди революционных войск такие потери: убитыми 60 человек и около 80 человек ранено. В результате упорных боевых столкновений, невзирая на поддержку аэропланов, правительственные войска, потеряв 100 человек убитыми и ранеными, были разбиты и отступили.

12. Но были сильно изнурены и революционные части, а, главное, огнеприпасы были уже на исходе. На винтовку оставалось по 2 патрона. Для пулеметов осталось только около тысячи патронов. К тому же правительство бросило на поддержку своих сил гвардейский полк из Тегерана, а также, получив от англичан в Дуздабе свыше 50 больших грузовых автомобилей и пулеметы, быстро перебросило на них больше 1.000 солдат, среди которых находились бывшие инструктора англо-персидской бригады, и при помощи созданного таким образом ударного кулака двинулось на революционный Кучан. Разбив в Сабзеваре заслон революционных войск в 200 чел., правительственные войска повели открытое наступление на Кучан. Для революционеров, отрезанных от Мешеда и Тегерана, и не имеющих огнеприпасов, стало ясным, что положение стало явно критическим. Тем временем эскадрилья, состоявшая из 5 аэропланов (по уверению местных жителей, три аэроплана были английские и сбрасывали бомбы с английской маркой), вновь подвергла Кучан бомбардировке, и революционеры, расстреляв все свои патроны, с боем начали отступать, неся громадные потери, особенно, от непрекращающихся нападений на арьергарды со стороны отрядов, организованных в помощь правительству кочевыми феодальными

ханами, до того разбойничавшими на этих путях. Разбившись на группы, революционеры вынуждены были рассеяться по стране.

Так закончилось это, несомненно, героическое восстание персидских солдат и крестьян, направленное против гнета крепостников-помещиков и защищающих их англичан.

Из кого же состояли армии повстанцев? Только ли из «англо-агентов», как утверждали наши скептики?

Приведенная нами выше информация о хоросанском восстании красноречивей всяких слов опровергает это утверждение, ибо все движение повстанцев от Марава-Тапе и до Кучана было сплошным братанием восставших персидских солдат, т.-е. по существу персидских крестьян, с крестьянством всего этого важнейшего земледельческого района Персии. Но местное крестьянство не только браталось с повстанцами, оно *органически* участвовало в этой борьбе, поскольку она была направлена против крепостников и империалистов.

Может, однако, возникнуть вопрос: как же обстояло дело в других районах и из кого состояли там армии повстанцев? Не было ли там «ряженых», т.-е. вместо персидских революционеров наемных англо-агентов, как о том прозрачно намекали скептики?

Вот ответ, который дают на этот вопрос представители тех местных общественных кругов, которых в связи с англичанами никто не рискнет заподозрить.

Они пишут:

«Повстанцы (Гиляна) не были серой солдатской скотиной, которую кто-то со стороны гнал на убой. Они не были разбойниками талышских и ардебильских лесов. Это были рядовые персидские солдаты, которые пришли на восстание добровольно, которые с выгодой для себя, для своей безопасности могли и не пойти за призывами руководителей. Но они пошли за ними, ибо слишком тяжело было ярмо помещичьего и правительственного гнета, слишком беспросветно положение их семей в деревнях, чтобы они оставались пассивными, когда речь шла о восстании с риском победить или погибнуть».

О тяжести этого ярма и о роли персидской военщины в охране крепостнической системы лучше всяких слов расскажет читателю воззвание штаба северной армии, выпущенное в связи с восстанием в Гиляне.

Оно гласит:

«Как нам сообщают, некоторые крестьяне, *ссылаясь на предупреждение мятежников, воздерживаются от уплаты арендной платы за землю помещикам.* Сообщают также, что некоторые лица, являясь в селения, берут деньги и сельскохозяйственные продукты у населения от имени мятежников. Некоторые же бросают свои дома и земли и бегут со своих оседлых мест, что об'ясняется присутствием в этих местах мятежников. В результате в районе создается тревожное моральное состояние населения и нарушается общественное спокойствие.

В виду изложенного, по опубликовании настоящего об'явления, предлагаю *всем интендантам, мелким помещикам и «кедхудам» (старшинам селения), побросавшим свои дела и бежавшим из своих районов,* возвратиться в свои селения и приступить к своим земледельческим работам, *а также предлагаю всем крестьянам платить следуемую помещикам арендную плату и давать им из сельскохозяйственных продуктов все, что им полагается.*

Одновременно штабом отправлено в эти районы достаточно войск для того, чтобы в самый короткий срок уничтожить бандитов, и для того, чтобы предать их тому наказанию, которого они заслуживают. Ко всему этому добавлю, что, если нам станет известно, что в каком-либо селении *принимали мятежников или снабжали их провизией* и проч., а также, *если облегчали им побег и не сообщали об их местонахождении* правительственным войскам и проч., то селение будет конфисковано правительством и дома тех, которые принимали мятежников, будут разрушены.

Подпись: Наиб Серхенг Эззетолла Мирза».

Этот нелицеприятный документ лучше всяких слов свидетельствует об аграрном характере гилянского восстания и поддержке его окрестным крестьянством.

Другой корреспондент, характеризуя уже состав повстанцев Салмаса, говорит:

«Состав повстанцев—это поголовно солдаты, набранные из ближайших районов. На восстание их толкнули вопли отчаяния, идущие из родных мест о грабежах и насилиях, чинимых гражданскими, военными и духовными официальными лицами. Отряды повстанцев сформировались стихийно».

Таковы факты, рассказываемые очевидцами.

Тов. Мирза не заметил этих примечательных процессов и чисто крестьянского нутра последних восстаний.

Нет, ламентации т. Мирзы никуда не годятся. Он не осведомлен о наличии аграрного движения среди персидских крестьян, которые при всяком возникающем вооруженном движении против правительственного центра идут как раз не в правительственные армии, а в армии мятежников.

В чем разгадка этого явления? Конечно, не в том, что тот или иной мятежный хан или отдельный военный карьерист насильно загонял в свои отряды сотни и тысячи персидских крестьян, а в том, что крепостнический режим Тегерана в прошлом, и, к сожалению, теперешний режим, а вместе с ним и тот экономический гнет, который армия и чиновники создали в персидской деревне и городе,—является прекрасным вербовщиком крестьянских масс в ряды любого мятежа и под начало любого мятежника, лишь бы на его знамени было написано: «Дерусь с правительством».

Вот почему довольно скверным анекдотом отдает от утверждения нашего автора, когда он последние восстания в Курдистане, Хоросане и Белуджистане приписывает только «чьей-то руке», укрывая, что среди этих «некто» имеются не только англо-агенты, но также и вся система, весь режим современной Персии.

А ведь скрывать это для марксиста вещь далеко не благодарная.

Но, говоря о политическом режиме, мы вовсе не собираемся солидаризироваться с теми ультра-левыми исследователями Персии, которые видят в Реза-Шахе только *одни крепостнические*

черты, проходя мимо полезных, исторически-прогрессивных сторон его государственной деятельности. Положение марксиста обязывает говорить *всю* правду, а не только половину ее, как это в угоду своей, далеко не бесспорной, теории о безоговорочной и какой-то фатальной прогрессивности Реза-Шаха, делает т. Мирза, а с ним вместе и некоторые другие наши литераторы.

Мы не исчерпали бы нашей темы, если бы не остановились на критике взглядов, высказываемых по вопросу о Реза-Шахе теми товарищами, которые, под шумовой оркестр страшно «левых» фраз, прячут *правую сущность* своей позиции в вопросе о нашем союзе с народами Востока.

Для «левых» вопрос о Реза-Шахе—централизаторе страны, бьющейся в тисках империалистической неволи,—чрезвычайно прост.

Раз он *дружит* с англичанами, раз он *берет* от них авансы, раз он *не простой* солдат, а *бывший офицер*, раз он *перераспределяет капиталы и поместья*, *берет их себе* и дарит их своим эмир-лешкерам (начальникам дивизий), *якшается с реакционным духовенством*,—то, *значит*, он насквозь реакционен; забывают при этом про выполняемую им основную и первоначальную задачу национальной революции в колониальной и полуколониальной стране, задачу создания *централизованного* государства, задачу известной *модернизации* Персии, создания прочных условий для развития борьбы против империализма, забывая, что других сил, которые были бы способны выполнить эту задачу—хотя бы только ее одну—в *данный момент* нет. Правда, они зреют, и не замечать их, значит делать громадную ошибку,—но все же они там еще слабы, там нет еще промышленного пролетариата, крестьянство там только-только начинает пробуждаться, там существует значительная опасность, как бы революционный путчизм отдельных групп и заговорщиков не разбил пока еще единственного достижения революционных лет—централизации страны.

Рассмотрим же аргументацию ультра-левых в этом актуальном вопросе персидской жизни.

Представители ультра-левых устами т. Висанова в № 15 журнала «Новый Восток» за 1926 г. мечут громы и молнии по поводу неисправимой реакционности Реза-Шаха.

Висанов, как и ряд других «ультра-левых», вообще отрицает положительную роль, которую в деле централизации и модернизации Персии сыграл выдвинутый англофильским переворотом 3 Хута [1]), недавний казачий полковник, затем военмин, позже предсовмин, а ныне уже Реза-Шах Пехлеви.

Они утверждают, что Реза-Шаха «неразрывно связывают с английским империализмом интересы социальные, экономические, политические и династические», что Реза-Шах никакой прогрессивной роли в истории Персии не играл, а служил и служит целям ее внутреннего и внешнего порабощения».

---

[1]) 3-е Хута— дата англофильского переворота Сеид-Зия, произведенного им в Тегеране незадолго до подписания советско-персидского политического договора от 26 февраля 1921 г. *А. Ч.*

Верно ли это?

Ничуть не бывало. Те, кто наблюдал процесс создания, в обстановке экономического и политического распада Персии, национальной армии, то упорство и величайшее напряжение сил, которые были проявлены в этом важном деле, те, конечно, решительно отвергнут этот основной тезис ультра-левой оценки исторической роли Реза-Шаха.

Не покорным слугой англичан, не явным или скрытым англофилом рисуется нам этот необычайно честолюбивый и властный персидский разночинец. Он вышел не из среды персидской знати. Он—сын мелкого арбаба (полупомещика) из Савад-Ку (местность в районе Мазандаранской провинции).

Иерархическая лестница его военной карьеры была не менее крутой, чем лестница карьеры политической. В начале фельдфебель казачьей бригады Ляхова, он долгие годы тянет лямку моинпанба (подпрапорщика) и уже во время империалистической войны последовательно получает ряд офицерских чинов до полковника включительно.

Движение на Тегеран дает Резе чин генерала. Дальше уже следует политически более бурное, но в иерархическом отношении более легкое движение Резы от одной высшей должности к другой.

Отсюда вывод: *Реза добился высокого положения в армии не знатностью своего полуплебейского рода*, не за хвост тегеньки, как многие политические деятели шахской Персии.

Вот почему *совершенно неправильно утверждение ультра-левых, будто он владетельный помещик, будто он не прошел суровой школы армии*, а был втиснут в нее заботливой рукой русского царского империализма, а позже и рукой англичан. Демократическое прошлое Резы несомненно. Правда, этот честолюбивый плебей сам пытается пускать пыль в глаза насчет своего «благородного происхождения». Но, даже ультра-левым не следует поддаваться таким утверждениям.

Затем, ультра-левые пытаются преуменьшить значение Резы в деле создания персидской армии, забывая, каких это должно было стоить ему усилий.

Ведь Реза не просто создавал национальную армию, так сказать, на голом месте. Он начал ее создавать при наличии двух вкрапленных в государственный аппарат Персии военных организмов: казачьей дивизии Староссельского и дивизий южных (английских) стрелков (эспнар), при наличии в них царско-белогвардейского и английского офицерского состава.

Правда, ультра-левые пытаются и на работу Резы по ликвидации этих *инородных* военных образований набросить тень санкции империалистов.

Однако, всякий здравомыслящий человек поймет, что на фоне вынужденного ухода из Персии оккупационных английских войск, не могло быть добровольного разоружения их южной опоры—эспнаров и, особенно, добровольного ухода их военных инструкторов из персидских частей. Этот уход в значительной мере произошел под влиянием опасений англичан перед появлением на персидской арене государственного деятеля—Резы, отказавшегося следовать к власти по традиционному пути предшественников, направлявшихся к ней путем формирования новых полков, бригад и дивизий.

Таким направлением деятельности Резы было положено начало централизации страны и приведения в повиновение ее мятежных феодальных окраин.

Но ультра-левые не унимаются. Им, видите ли, вообще претит фигура Резы-Хана. Не даром один из известных нам персидских революционеров, весьма лево настроенный, одно время пропагандировал даже такую мысль: «Против Резы—хоть с чортом, хоть с династией Каджаров».

Так ультра-левые доводили до абсурда свою позицию в вопросе о Резе-Хане.

Однако, позволительно будет спросить у этих ультра-левых: Допустим, что происходит свержение династии Пехлеви. Что же будет «на другой день»? Кто будет восприемником ее власти? Где организованная народно-революционная партия типа Гоминдан (или Нар. Рев. Партии Монголии), в чьи руки непосредственно попадает власть свергнутого диктатора?

Ультра-левые не имеют ответа на этот вопрос, ибо в Персии не создались еще те *организованные силы*, которые могли бы закрепить результаты победоносного восстания. И власть перешла бы там в руки какой-нибудь случайной фигуры, *во всем* зависимой от англичан, из рук которых эта страна получает сейчас в виде разного рода сборов и авансов под предстоящие бюджетные поступления большую половину своего годового бюджета.

Ультра-левые полагают, что на другой день у власти появится в Персии группа ныне гонимых офицеров—людей, не спорим, персонально, может быть, и честных, но совершенно не имеющих никакой опоры в населении, или людей, давно дискредитировавших себя неспособностью на какое бы то ни было активное политическое дело, — в роде лидеров бывшей демократической партии.

Глубокое, вопиющее заблуждение! Ни те, ни другие не могут играть сейчас роль организующих центров революционной борьбы и новой революционной власти.

А компартия?—спросит читатель.—А крестьянство, о недавней революционной борьбе которого говорилось выше,—разве две эти силы не могут создать центр движения и власти «на другой день» после пропагандируемого ультра-левыми немедленного переворота?

Думаем, что если так вплотную поставить этот вопрос, то даже сами эти «левые» ответят на него отрицательно, ибо нужна большая революционно-классовая школа для персидских рабочих и городской бедноты, нужен продолжительный искус аграрной борьбы персидского крестьянства, чтобы раскачать эти силы, чтобы об'единить эти силы в прочный революционный союз, чтобы под руководством компартии вести за этим союзом главные массы персидского населения и против внешних и против своих внутренних врагов.

Ультра-левые требуют от Персии чудес, а чудеса, как известно, в природе не существуют.

Страдая детской болезнью левизны, левые хотят видеть в этой стране то, чего там еще нет, впадают в максимализм относительно действующих на ее арене сил.

Между тем, пока в этой стране нет непосредственной революционной ситуации, нет в достаточной степени организованных

сил местных рабочих, крестьян и городской бедноты, пролетарские революционеры не могут сбрасывать со счетов борьбы, не могут причислять к контрреволюции *всю* деятельность Реза.

Правда, т. Висанов ведет свою атаку на Реза-Шаха под прикрытием критики вульгарных, заумных и марксистски совершенно неверных утверждений, которые были высказаны по этому вопросу другими авторами насчет «индустриализации Персии», «победы торгового капитала» или даже «трансформации там торгового капитала в промышленный»,—там, где, к сожалению, господствует еще капитал в самой ранней и реакционной своей форме.

Но, во-первых, заумь этих авторов дело особое, отдельно стоящая тема, во-вторых, оттого, что критика их в отдельных случаях и по частным поводам была верной, ультра-левые рассуждения т. Висанова отнюдь не сделались более убедительными, а, главное, исторически и теоретически правильными.

Взять хотя бы следующее его утверждение:

«Армия Реза-Шаха никаких революционных войн не вела, она окрепла в борьбе с подлинно народно-революционными движениями Кучик-Хана, Хиабани, Лахути-Хана, Мамед-Таги-Хана» («Новый Восток», № 15, 1926 г., стр. 13).

Очевидно, для придания большей левизны, в этом утверждении правда причудливо переплелась с неправдой.

Что верного в этом утверждении?

Верно лишь то, что Висанов правильно относит движения Кучик-Хана, Хиабани, Лахути-Хана и Мамед-Таги-Хана к народно-революционным движениям, чего, к сожалению, не заметил критикуемый нами выше т. Мирза, знающий про существование в Персии лишь *бандитских* движений масс.

Но *зато основное утверждение Висанова*, будто армия Реза-Шаха крепла *только* в войнах против народно-революционных движений является *вопиющей исторической неправдой*.

Разве эта армия *не крепла от ликвидации царской казачьей дивизии и английских южных стрелков*, разве она *не крепла от изгнания* из пределов Персии *английских военных инструкторов*, разве она *не крепла от уроков шалильского разгрома* (разгром первого правительственного отряда армии Резы в Бахтиарии в 1922 г., подготовленный империалистами), *разве она не крепла в боях с далеко еще не ликвидированным окраинным феодализмом* Луристана, Арабистана, Шахсевений и других провинций?

Тот, кто всего этого не понял, тот, кто, подобно т. Висанову, впадает в истерику от того, что правительственная армия отсталого, полуколониального государства перед лицом повседневных и каждочасных империалистических опасностей в *первую очередь* не устраивает восстания против своего же правительства, тот заблудился в лабиринте левой схоластики, тот безнадежен в понимании марксистско-ленинского определения перспектив революции в таких отсталых странах Востока, как Персия.

Нельзя же себе представить, чтобы т. Висанов считал применимым для Персии ленинский лозунг «враг в собственном доме» и лозунг «восстань против своего правительства», данные в иной исторической обстановке и совершенно для иного переплета классовых сил. Он забыл ленинское учение о национальных революциях на Востоке и законы этих революций, известные слушателям всякой школы политграмоты. Если они ему неизвестны, то

тут уже задача не спора, не литературной полемики, а переподготовки по курсу политграмоты.

Означает ли все сказанное, что пролетарские революционеры должны *все* свои усилия направить в этой стране на то, чтобы беречь хрустальную вазу пехлевийской династии?

Ничуть не бывало.

Перед ними попрежнему стоит более сложная, двуединая задача, требующая чрезвычайной гибкости в выполнении:

Во-первых, развязывание, а не *замазывание* аграрного движения персидского крестьянства, памятуя слова Ильича, сказанные во время II конгресса Коминтерна по поводу спора о своевременности дачи именно *персидскому* крестьянству лозунга аграрной революции: «...В таких отсталых странах, как Персия, где громадная часть земли находится в руках помещиков, лозунги аграрной революции для миллионов крестьян имеют наиболее существенное значение» [1]).

Эту задачу проглядели и т. Мирза и страшно «левый» тов. Висанов.

Во-вторых, содействие дальнейшей централизации Персии и блоку всех ее антиимпериалистических сил, среди которых далеко не последнее место занимает крепнущая национальная, крестьянская по составу армия, которая, мы уверены, в истории Персии будет еще играть далеко не последнюю роль.

---

[1]) Цитата взята из книги Султан Заде «Персия», 1924 г., ГИЗ, стр. 86.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ». Сост. Е. Варга. Изд. «Московский Рабочий». 1927 год.

Составитель книги правильно учитывает потребность в сводной работе, дающей материал об истории, программе и тактике отдельных социал-демократических партий. В предисловии правильно отмечено, что у нас есть много работ, дающих общую характеристику роли социал-демократии, но сейчас нам необходимо знакомство с *специфическими* особенностями социал-демократических партий отдельных стран, т. к. основной задачей компартий является завоевание масс, а этого сделать нельзя без систематической борьбы с социал-демократами. Но мы хотели бы тут же отметить, что в предисловии не совсем верно определены наши задачи в отношении социал-демократии. Автор говорит о том, что необходимо различать верхи социал-демократии от масс, что мы боремся против верхушки, но не против социал-демократических рабочих. Формулировка эта безусловно *недостаточна*. «Мы готовы выступить», бороться совместно с социал-демократическими рабочими, но мы ставим перед собой задачу разрушить социал-демократическую *организацию*. Мы боремся против верхушки, говорим и всячески показываем нашу готовность проводить тактику единого фронта, бороться совместно с массой социал-демократических рабочих. В разоблачении вождей это наиболее верный путь к тому, чтобы отвоевать от социал-демократии рабочих, входящих в нее, и перетянуть их на нашу сторону, потому что мы надеемся в совместной борьбе убедить социал-демократических рабочих в правильности нашего пути—борьбы за установление диктатуры пролетариата. Все это необходимо отметить, чтобы не получилось ложного представления о наших задачах в отношении социал-демократии, *как организации*.

Обзорам отдельных партий в книге предшествует вступительная глава о политике II Интернационала. Нам она кажется недостаточной. Не лишне было бы в обзорах отдельных партий дать краткий обзор истории II Интернационала, хотя бы с 1914 года. Решающий момент, характеризующий II Интернационал—поведение во время войны, взаимное прощение «грехов», сделанных во время войны, история II Интернационала, хотя бы в последние три года, его отношение к важнейшим международным вопросам,—освещение всего этого значительно облегчило бы понимание характера II Интернационала.

Из главы о II Интернационале мы отмечаем следующие два места. Автор утверждает, что «по своей фразеологии социал-демократия есть *классовая* (!) боевая (!) партия пролетариата».

Можно было бы сказать, примерно, так, что социал-демократия свои оппортунистические дела прикрывает красивыми фразами, хотя сейчас социал-демократия и это делает все в меньшей степени. Но сказать, что по своей фразеологии она классовая и даже *боевая* партия пролетариата—это абсолютно неверно. Автор вынужден сам сказать, что *крупнейшая социал-демократическая* организация — *германская*—в своей программе, принятой в Герлитце, *умалчивает о классовой борьбе*, английская рабочая партия *отвергает* классовую борьбу.

Обзор германской социал-демократии написан поверхностно. Это касается как исторической части, так и характеристики теперешнего со-

стояния социал-демократии. Мы отмечаем только основное. Совершенно не дано общего исторического фона, на котором выросла социал-демократия. Но не только в этом недостаток. Например, автор пишет о Лассале—«человеке, обладавшем огромной идейной силой и твердой решимостью, коммунистические принципы (у Лассаля) переходили в социал-демократическую реформаторскую политику». Дальше еще пара строк о борьбе двух крыльев прусско-германского и антипрусского, но ничего *по существу* этих разногласий. О важнейшей политической проблеме, стоявшей перед рабочим движением в Лассалевский период—о революционном или нереволюционном пути об'единения Германии, о тактике рабочего движения, о течениях, наметившихся в этом вопросе,—ни слова. А, между тем, именно об'единение Германии сверху, а не снизу наложило громадный отпечаток на развитие германской социал-демократии. Расхождения в этот период имели громадное влияние на все дальнейшее развитие социал-демократии.

Автор делает ошибку и другого рода. Коммунисты далеко не являются поклонниками обезумевшего от ненависти к Коминтерну и к СССР Карла Каутского. Но мы различаем прежнего Каутского, писавшего «Путь к власти», от Каутского нынешнего. Автор переносит свое теперешнее отношение к Каутскому на такие времена, когда этого отношения не было. «Характерно, что как раз в период действия исключительного закона возникла марксистская литература, но под идейным руководством Каутского; то был марксизм, преломившийся через психику Каутского, этого неспособного на борьбу, лишенного революционного темперамента писателя». Можно, конечно, всю деятельность Каутского оценивать с точки зрения «революционного темперамента», но это не та оценка, которая нам нужна. Нам незачем отказываться от Каутского, который по-революционному трактовал Маркса, мы используем его против Каутского—апостола международной буржуазии.

Неправильная оценка дана нынешней роли социал-демократии.

«*Нынешняя роль с.-д. партии Германии об'ективно мало чем отличается от роли ее до войны*, разница лишь в том, что теперь вожди ее открыто обнаруживают ее антиреволюционный характер и наглядно доказывают это своим участием в правительстве, особенно в те моменты, когда буржуазному строю грозит опасность со стороны пролетарской революции» (23 стр.). Неверно то, что роль социал-демократии сейчас не отличается от ее роли до войны. Война означала переход к новому историческому периоду. До войны мы имели «сравнительно мирное» развитие капитализма, период подготовки к пролетарской революции; теперь пролетарская революция—факт. Как можно после опыта 1918—19, 1923 годов в Германии, опыта Болгарской, Венгерской, Латвийской и др. Советских Республик, после опыта гражданской войны в СССР и предательской роли меньшевиков говорить о том, что роль социал-демократии мало чем изменилась? Можно и нужно говорить о том, что уже в период до 1914 года в социал-демократии были элементы, которые в дальнейшем определили ее окончательный переход на сторону империалистической буржуазии против пролетарской революции. 1914 год—это водораздел, 1914 год означал крах II Интернационала, который не мог выполнить роли руководителя рабочего класса в новой эпохе—эпохе пролетарской революции.

Неверно также говорить, как это имеет место в вышеприведенной цитате, что только *вожди* перешли в лагерь буржуазии. Надо говорить о роли социал-демократии, как *организации*. Сам автор вынужден говорить, что «проводником их (вождей) влияния на широкую рабочую массу служат работающие на предприятиях 500.000 рабочих с.-д-тов». Это

«самая антикоммунистическая и... наиболее враждебно-настроенная по адресу (!) России часть рабочего класса Германии» (45 стр.). Одно дело, что мы в повседневной борьбе должны умело подходить к социал-демократическим рабочим, помнить о том, что многие из них «добросовестно» заблуждаются, не повторять им при всяком удобном и неудобном случае, что они предатели. Но из этого не следует, что мы не говорим об антиреволюционной роли социал-демократии в целом. Забывать это, значит забывать главную задачу—разрушить социал-демократическую организацию, переубедив и перетянув на свою сторону на основе совместной борьбы ее рабочих.

Недостаточно обработаны цифровые данные о германской социал-демократии. Нет достаточной наглядности, нет достаточного обоснования выводов. Автор показывает недостаточное знакомство с жизнью этой партии. «Признаком оживления внутрипартийной жизни служат списки собраний (!) публикуемых органами печати СПГ». Это, по меньшей мере, наивно. Суть ведь в том, *что* обсуждают на этих собраниях, *как* они проходят, как идет работа в массах и т. д.

Мало охарактеризован *парламентский* характер с.-демократии. В Гамбурге, например, официальное название организации «Социал-демократический союз для выборов» (Wahlsverein).

Очень схематично представлена система, проводящая влияние социал-демократии. Дело тут не в оргструктуре, а в социальных сдвигах внутри социал-демократии, в кругах ее избирателей.

При оценке последнего периода опущены такие исторические события, как поражение рабочего класса в 1923 году. Лучше всего освещены внутренние группировки германской с.-д. В общем обзор требует очень тщательной проверки и переработки. Размеры рецензии не дают нам возможности остановиться на более мелких недочетах, которых очень много.

Обзор о *французской партии* страдает в основном теми же недостатками, что и первый.

Дан исторический очерк отдельных *течений*, но не отведено места развитию социалистической партии после ее об'единения в 1905 году. Не об'яснено, почему в рабочем движении долгий период происходила борьба различных течений, почему такую своеобразную роль играли профсоюзы и т. д.

В обзоре есть ошибки следующего характера. На стр. 79 приведены таблицы о расслоении в сельском хозяйстве, где после перечисления наемных рабочих, арендаторов, полуарендаторов, карликовых хозяйств до 1 гектара есть такая прослойка «пролетарский и полупролетарский элементы»—4.481.000. Кто под ними подразумевается, абсолютно непонятно, т. к. вслед за этим следуют «мелкие хозяйства» 1—10 гектаров 2.500.000.

На 76 стр. автор пытается дать цифры о *степени* организованности рабочих, а дает абсолютные цифры организованных в профсоюзы.

В главе о тактике социалистической партии освещены только методы борьбы против коммунизма. О тактике в отношении буржуазии, мелкой буржуазии и т. д. ничего нет.

Обзор страдает той же поверхностностью. Задача, которая поставлена перед книгой составителем,—*дать специфические черты* французской социалистической партии,—*не выполнена*.

Британская рабочая партия освещена немного лучше. Но есть грубые ошибки того же характера.

«Социал-демократию можно лучше всего понять, рассматривая ее идеологию, как выражение *незаконченной* (!!) классовой борьбы. Она не *закончила* ее потому, что не может освободиться от либеральной

идеологии. Путь к революции ей преграждают преимущественно препятствия *идеологического* (!) характера» (93 стр).

Это, конечно, совершенно не верно. Что это за «незаконченная классовая борьба»? Означает ли это, что с.-д. ведут классовую борьбу, но не доводят ее до конца? Или это какая-то особая классовая борьба, «незаконченная»?

Когда и где это мы, коммунисты, расценивали так социал-демократию, которая отрицает классовую борьбу (английская рабочая партия—о ней идет речь), выбрасывает этот термин из программы (Германия) и т. д.? Это неверно.

Но еще лучший перл, что закончить эту «незаконченную» классовую борьбу мешают рабочей партии «препятствия идеологического характера». Говорить это в отношении Англии, где в течение десятков лет развращалась буржуазией, подкупалась верхушка рабочего класса, сводить все к либеральному влиянию—это значит показывать, что автор отказался от основного подхода к об'яснению корней оппортунизма, а значит отказался от тех методов борьбы против социал-демократии, которые применяет Коминтерн. Ведь, если все дело в препятствиях «идеологического характера», то, пожалуй, можно Томаса, Гендерсона, десятки и сотни развращенных бюрократов, на которых они опираются, переубедить!

В обзоре дана неверная оценка левого крыла рабочего движения, которое будто бы уже понимает необходимость внепарламентского нажима и борьбы массовой всеобщей стачкой.

Лучше написаны обзоры *американской* и *итальянской* партий. На остальных мы не останавливаемся.

В общем в книге—большие недостатки. Не дано *общего* об'яснения корней оппортунизма, что обязательно для понимания специфических сторон оппортунизма в отдельных странах. Специфические стороны выявлены очень слабо. Это относится и к исторической части и характеристике теперешнего состояния. Цифровой материал о составе рабочего класса и партий недостаточно проработан, характеристика внутренней жизни партий очень бедна.

Недостаточно освещена тактика внутри рабочего движения, тактика по отношению к другим мелкобуржуазным партиям.

Через несколько обзоров красной нитью проходит неверная, *некоммунистическая* оценка социал-демократии. Страдает книга и со стороны стилистической. Кстати: издательство не отметило, что это перевод с немецкого. Перевод сделан неважно: это обстоятельство об'ясняет тяжелый стиль.

Книга не популярна. Нет примечаний, а они необходимы в книге, которая так сжато пытается дать картину социал-демократического движения. Нет ссылки на источники, нет указателя литературы. Все это очень сильно уменьшает ценность книги. Несомненно, что потребность в книге о социал-демократических партиях этим изданием еще не удовлетворена.

Еф. Цейтлин.

ОТТО БАУЭР.—«Борьба за землю». Изд. «Прибой», Ленинград, 212 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

Книга вышла осенью минувшего года и представляет собой реферат, предназначенный для обоснования крестьянской политики и аграрной программы австрийской социал-демократии. «Назначенная партийным президиумом на основании... решения Зальцбургского партейтага немецко-австрийской социал-демократической партии 2-го ноября 1924 года «комиссия по аграрной политике, в первую очередь, предложила нескольким товарищам разработать и представить ей доклад по различным вопросам аграрной политики... Предлагаемый здесь читателям труд и является подобным рефератом, представленным комиссии по аграрной политике (Пред. к «Борьбе за землю», стр. 15). Такова история этой работы.

Первые главы книги посвящены истории австрийских земельных отношений. Они могут иметь известный интерес, так как в русской литературе эти вопросы освещены мало. Но соль книги не в этом, да и для нас, признаться сказать, Отто Бауэр интересен вовсе не как историк австрийского средневековья и эпохи первоначального капиталистического накопления. Нельзя, впрочем, не отметить, что и здесь Бауэр проявляет большую склонность к известному историческому фатализму, свойственному социал-демократическому мышлению. (См., напр., стр. 176, где об'ясняются корни и пружины захвата крестьянских земель, в частности, лесов).

Затушевывая значение суб'ективного фактора исторического развития, Бауэр расчищает себе путь для соответствующего об'яснения (и не только об'яснения) более свежих фактов.

Остановимся на освещении крестьянского вопроса в австрийской революции 1918—20 гг. и политике австрийской социал-демократии. Остановиться на этом тем более необходимо, что Бауэр уделяет значительное место этой революции и пытается на основании опыта оправдать поведение социал-демократии и доказать неизбежность поражения революции.

По Ленину, крестьянский вопрос является одним из основных вопросов пролетарской революции, правильное решение его—одним из важнейших условий победы пролетариата. Западно-европейская с.-д., в сущности, этого вопроса и не ставила. «Ироническое отношение героев II Интернационала к крестьянскому вопросу считается у них признаком хорошего тона, признаком «настоящего марксизма» (Сталин). Это целиком относится и к австрийской с.-д. Такое отношение к крестьянскому вопросу определило ее поведение во время революции. Хотя огонь буржуазной революции давно упразднил феодальные отношения в Австрии, но революция возглавлялась буржуазией, которая была неспособна уничтожить полностью феодальные отношения. Поэтому последние в виде известных остатков продолжали существовать до кануна революции. Перед революцией стояла задача смести их до основания, беспощадно провести конфискацию крупных имений и передать их в руки организованного деревенского пролетариата и мелкого парцеллярного крестьянства.

Было ли крестьянство готово к этому? Сам Бауэр отвечает на этот вопрос утвердительно. После того, как революция свергла императора, крестьянин надеялся *на большие изменения в условиях собственности*. Теперь, мол, настало время, когда расхищенная господами крестьянская земля снова возвратится к потомкам «Якова Последнего», теперь приспело время поделить крупные землевладения по крестьянским сыновьям, пересмотреть заново пользование лесом и пастбищами, а заодно

переделать и все право охоты» (136 стр.). В то время, как городской пролетариат штурмовал твердыни буржуазной собственности, крестьянство пред'явило требование уничтожить частную собственность на землю. Но рабочий класс Австрии, долгие годы развращавшийся меньшевистско-оппортунистической (свойственной и нашим перманентникам) теорией неизбежных противоречий, в которые, якобы, должно впасть крестьянское движение с движением пролетариата, не сумел понять соотношения крестьянского движения с пролетарским. Он оказался неспособным понять необходимость диалектического сочетания этих форм революционной борьбы, такого сочетания, в результате чего буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую. В результате мы имели в Австрии поражение пролетариата. Теперь Бауэр, в полном согласии с указанной теорией, доказывает фатальную неизбежность такого исхода.

«Но это движение среди крестьянства вскоре вступило в противоречие как с городским, так и деревенским пролетариатом»,—повествует О. Бауэр. Далее он об'ясняет, почему крестьянин должен был притти в противоречие о революцией. Первым требованием крестьян к революции было — освободить их от военного хозяйства. Но революция не могла выполнить этого требования, она не могла отказаться от центральной системы заготовки и снабжения. Крестьянин увидел, что, вместо военных и реквизиционных отрядов, теперь рабочие советы вводили набор, преследовали продажу исподполья и нарушение правил о максимальных ценах. Крестьянин увидел в пролетариате врага, который не позволял ему свободно распоряжаться продуктами своего труда».

Это одно, а с другой стороны, «в буре революции восстали и сельскохозяйственные рабочие. Они принялись за самоорганизацию, выставили требования о зарплате, настаивали на них путем забастовок, они вынуждали не только помещиков, но и крестьян заключать коллективные договора... Батраки, бобыли, мелкие крестьяне свергнули господство богатых крестьян в общинных органах. Они снова подняли старую борьбу за пользование общинным имуществом... Крестьянин увидел, что пролетарская революция перебросилась в его собственный дом, что она поколебала его личный авторитет» (136 стр.).

«Деревенский пролетариат стал завязывать сношения и с промышленным пролетариатом. Он примкнул к социал-демократам. Крестьянин же, восстающий против сохранения «централизации хозяйства» и испуганный движением деревенского пролетариата, *все резче расходился с социал-демократией.* Социал-демократия поэтому не в силах была завладеть руководством демократическим движением, требующим изменения условий собственности и к концу войны захватившим и крестьянство. Это движение развернулось, главным образом, в рамках партии христианских социалистов» (136—137 стр.).

Мы нарочно привели длинную выписку из книги, чтобы показать словами самого О. Бауэра, насколько революционная ситуация была благоприятна. Ситуация была такова, что мелкое крестьянство и деревенский пролетариат представляли активную силу революции и сами завязывали связи с городским пролетариатом. Лишнее доказательство того, насколько теория (с.-д.!) движения расходится с практическим опытом борьбы в самой Австрии. Лишь богатое крестьянство все резче расходилось с пролетариатом. Знакомая картина!

Эти события так напугали с.-д., что они отказались возглавить крестьянское движение и уступили руководство этим движением партии христианских социалистов (нечто в роде наших народных социалистов). Это было молчаливым разделением труда между с.-д. и христианскими социалистами; с.-д. взяла на себя задачу защиты от революционного

пролетариата буржуазной собственности в городе, а христианские социалисты—в деревне.

Дальнейший ход событий показал, насколько удачен был этот маневр и молчаливая сделка с.-д. с хр. соц. Выборы в Учредительное Национальное собрание дали относительное большинство с.-д. «Из 159 мандатов социал-демократы получили 69, христ. соц.—63, немец. нац.—24». (Цитирую по другой книге О. Бауэра: «Австр. рев. 1918 г.», стр. 163). Парламентская победа привела к коалиционной власти с.-д. и хр. соц. Но это продолжалось недолго. Если сначала христианские социалисты под давлением растущего крестьянского движения пошли на коалицию в соц.-демокр., то впоследствии, когда их совместными усилиями удалось успокоить взволновавшуюся стихию, христианские социалисты снова вернулись под сень городской буржуазии.

Христианские демократы не спешили с аграрными преобразованиями.

«Аграрное законодательство революции было смехотворно и сводилось к незначительным реформам»,—признается О. Бауэр. Но эта смехотворность изображена Бауэром только для того, чтобы обелить себя.

Всю вину за неудачу аграрного законодательства О. Бауэр пытается свалить на христианских социалистов, будто в этом деле поведение социал-демократии не сыграло никакой роли. А между тем достаточно привлечь другую книгу О. Бауэра «Австр. революция 1918 г.», чтобы обнаружить, что он лицемерно умывает руки. По словам самого Бауэра, рабочий класс и трудящиеся массы деревни проявили тогда чудеса героизма. Всюду организовывались советы. «Диктатура пролетариата!», «Вся власть советам!»—вот лозунги восставших масс. Как отнеслась к этому движению социал-демократия? «Годы, проведенные в окопах,—повествует Бауэр,—отучили рабочих от работы и приучили их к реквизициям, грабежам и воровству. Годы, проведенные в окопах, привили им веру в чудодейственность насилия» («Австр. рев.», стр. 117). В растущей силе революционного натиска филистер видит лишь грабежи и насилия, и на стихийный под'ем восставших масс смотрит, как верный пес, не иначе, как глазами своего хозяина. Пролетариат считал возможным осуществление диктатуры пролетариата, а социал-демократия как огня боялась этой диктатуры. Социал-демократия употребила все усилия, чтобы отвлечь внимание революционных рабочих от основной политической задачи—завоевания власти—и перевести его на рельсы повседневных мелких интересов и обывательщины. Это она сделала для того, чтобы «воспрепятствовать этому революционному брожению развиться в открытую гражданскую войну... Если исход борьбы классов за власть должен был решиться не при помощи оружия, то борьба должна была вестись в демократических формах»,—говорит Бауэр, пытаясь оправдать тактику с.-д.

Далее он пытается отыграться ссылкой на опасность гражданской войны между аграрной и промышленной областями и опасность оккупации территории Австрии войсками Антанты. Социал-демократии, действительно, удалось отравить сознание масс этим реформистским ядом.

Движение было сорвано.

Таковы уроки, купленные пролетариатом ценой своего жестокого поражения. Если они указывают пролетариату, что для победы необходимо поддержать требования крестьянства, то и социал-демократия была вынуждена притти к выводам, приспособляющимся к новым настроениям рабочего класса, коренящимся в опыте практической борьбы рабочих. Обоснованию этих выводов и посвящены последние три главы рецензируемой книги.

Хотя автор сильно уснащает изложение марксистской фразеологией и разговорами о классовой борьбе и даже (не шутите!) ведет речь о завоевании власти, такая игра в революционность и марксизм никого не может обмануть. Это—марксизм выхолощенный, безобидный, мирный. Он рассчитан лишь на то, чтобы обмануть рабочего и не напугать буржуа. Поэтому и выводы, к которым пришел австро-марксизм в аграрном вопросе, в общих чертах сводятся к осуществлению таких мероприятий, чтобы удержать пролетарские массы города и деревни от революционных выступлений.

На отрицании необходимости революционного переворота построены все теоретические рассуждения О. Бауэра.

Практика русской революции дала очень много для понимания крестьянского вопроса. Русская революция, как нигде в других странах, разрешила аграрный вопрос, на деле осуществив требования крестьянства. Но все же в практике русской революции этот вопрос является подчиненным основному вопросу, вопросу победы пролетарской революции и обеспечения ее завоеваний. На первый взгляд может показаться, что такая постановка вопроса не чужда и О. Бауэру. Он признает, что, если дебаты 90-х годов в среде с.-р. по аграрному вопросу не привели к практическим результатам, то в результате войны положение изменилось. «Теперь,—пишет он,—массы сельских рабочих, бобылей, малоземельных крестьян стали примыкать к промышленному пролетариату. Одновременно, победа большевизма в России и поражение социализма в Европе доказали, что промышленный рабочий не может завоевать и укрепить власть, пока он не сумеет завладеть руководством широких масс сельского населения. С.-д. должна завоевать и организовать эти массы» (стр. 204). Здесь Бауэр говорит почти «большевистским» языком, но это остается лишь звонкой фразой. Все дальнейшие его рассуждения показывают, что он стремится «организовать» массы не для штурма и натиска на буржуазную собственность, а для обуздания их и для отстаивания крупной буржуазной собственности, в частности в сельском хозяйстве. По Бауэру, социал-демократия должна указать средства, при помощи которых можно удовлетворить жизненные экономические и социальные нужды этих (т.-е. крестьянских. *Д. Э.*) масс в согласии «с потребностями общественного развития» (стр. 204). Следовательно, на деле не интересы революционной победы и не интересы сельских масс должны определять аграрную политику, а некие мистические «потребности общественного развития». Не может быть никаких сомнений в том, что Бауэр зашифровал этаким манером только «потребности» буржуазии.

Преимущества крупного производства в сельском хозяйстве перед мелким давно доказаны в марксистской литературе. Все попытки ревизионистов и буржуазных ученых доказать противное обнаружили полную несостоятельность и потерпели крушение. В этом вопросе О. Бауэр с виду как будто бы занимает правильную позицию. Он уделяет большое внимание доказательству этого тезиса, но... только для того, чтобы превратить его в орудие извращения и опошления марксизма. Марксистской постановке совершенно чужд абстрактный подход к вопросу—в частности, и к вопросу о крупном и мелком производстве в земледелии. Она прежде всего обращает внимание на то, *интересам какого класса* соответствует проведение тех или других мероприятий по отношению к крупным с.-х. предприятиям. О. Бауэр совершенно обходит эту сторону вопроса и возводит в фетиш крупное производство в сельском хозяйстве. Выдерживая до конца концепцию о врастании капитализма в социализм, он предлагает эти крупные с.-х. предприятия оставить за капиталистами на срок ничуть не менее, чем два поколения. По отно-

шению к этому своему фетишу—крупному производству в с.-х. и, следовательно, и к его персонификации капиталиста, а «заодно» и к земельному собственнику—Бауэр проявляет трогательную заботливость.

Он пытается ограждать своего подзащитного от возможных нападений со стороны пролетарских и полупролетарских слоев деревни и обеспечить его необходимой рабочей силой. Чтобы малоземельные и безземельные крестьяне не покушались на буржуазную собственность в с. х., он проектирует расширение общинных земель за счет лесных владений.

Не менее интересен и метод, каким он думает обеспечить крупные с.-х. предприятия рабочей силой. Сначала он констатирует факт «бегства» пролетарских слоев деревни в город. «Уже сейчас не мало встречается деревень, из которых ушли все жизнеспособные элементы из батраков и батрачек. Этот процесс, прогрессируя, грозит стать величайшей опасностью для нашего сельского хозяйства и непреодолимым препятствием к его интенсификации» (стр. 181), сетует он. Для предупреждения этого «зла» он предлагает поселение (государственную колонизацию) рабочих в сельских местностях в качестве арендаторов общинной земли.

Но арендатор-рабочий может арендовать такой участок земли, что он сможет прокормить и себя и свою семью и не будет наниматься на работу. Для предупреждения этого затруднения предусмотрительный Бауэр предлагает участки таких арендаторов ограничить. «Задача поселенной операции,—поучает он,—заключается, ведь, в том, чтобы обеспечить крестьянскому (читай: буржуазному. *Д. Э.*) хозяйству удовлетворение его спроса на рабочую силу. Эта цель не будет достигнута, если создадут такие рабочие участки, владельцы которых смогут наниматься на работу к хозяевам лишь несколько дней в году. Нам,—продолжает, с позволения сказать, социалист,—следует наделить сельского рабочего не слишком большим количеством земли для того, чтобы он мог применить (Бауэр не смеет сказать: «чтобы он был вынужден продавать») свои рабочие силы на наемной работе» (стр. 184). Откровенность, которой позавидовали бы русские помещики, «освободившие» крестьянство. Крестьяне (т.-е. крупные и средние, по нашей терминологии—кулаки) так напугали нашего автора во время революции, что он заговорил о союзе с ними, и этот союз он проектирует заключить такой ценой, что с.-х. рабочего намеревается поставить в условия полубарщинного крестьянина, отработками влачащего свое жалкое существование. Защищая буржуазные отношения в деревне, интересы буржуазного крестьянства, Бауэр в то же время делает глазки сельским рабочим и мелкому крестьянину. Так он говорит и о защите рабочего. Чтобы рабочий поселенец не был закабален своим хозяином, он предлагает отводить им участки на общинной земле, а не на земле своего хозяина, а от опасности возможного отказа общинным управлением арендатору в участке, он предлагает защищаться долгосрочными договорами. Хотя он обусловливает заключение этих договоров на одно поколение, все же такая сделка, по сути дела, превращает рабочего в полукрепостного крестьянина. Так преломляется в оппортунистической голове осуществляемый нашей партией союз рабочего класса с беднотой и середняком, превращающийся у Бауэра в союз с.-д. с деревенской буржуазией.

Далее следует остановиться на вопросе о том, какими методами собирается О. Бауэр произвести «переворот в имущественных отношениях в деревне». Он пишет: «Этот крупный переворот должен начаться с национализации частного и церковного крупного землевладения, поскольку эти владения состоят из лесов и пастбищных пространств. От-

чуждение может быть произведено за *вознаграждение*. Возмещение будет выплачено обязательствами, уплата процентов по которым будет возложена на национализированные леса. Там, где земли социализированных лесов будут переданы крестьянам, последние *должны будут взять на себя уплату* соответственной части *процентов* по облигациям; так как рыночная стоимость земли всегда значительно превосходит ее действительную стоимость, то крестьяне получат, таким образом, землю несравненно дешевле, чем это им удалось бы путем покупки или аренды» (стр. 174 курсив наш). Таков... «крупный переворот», проектируемый Бауэром! Комментарии излишни.

Посмотрим еще, каков порядок этой «страшной» национализации. Практика национализации, как мыслит Бауэр, распадается на две стадии. «Первая стадия дает государству власть распоряжаться лесами, власть перестроить эксплоатацию лесов в соответствии с потребностями народного хозяйства. Земельная же рента остается еще в распоряжении прежних владельцев (это называется потребностями «народного хозяйства»! *Д. Э.*); они получают ее в форме процентов по облигациям. *Вторая стадия*—постепенное погашение облигаций из доходов от имущественных налогов,—в течение, максимум, двух поколений освобождает национализированные леса от лежащего на них обязательства уплаты процентов; как только закончится погашение облигаций, заканчивается и экспроприация лесовладельца, издержки по ней покрываются всеми имущими классами, лесная же рента поступает теперь уже не в пользу частных лиц, но в пользу общества» (стр. 174). И эту кукольную комедию Бауэр именует экспроприацией. Экспроприация, обеспечивающая землевладельцу... получение ренты!

Итак, отчуждение производится за выкуп в счет имущих классов. Здесь у Бауэра не совсем связаны концы с концами. В самом деле, экспроприацию земель он проектирует провести после «завоевания власти», когда, по его же словам, пролетариат проведет экспроприацию не только в лесном хозяйстве, но также и в горном деле и в промышленности. Если это так, то каким образом раз экспроприированные имущие классы будут покрывать издержки по экспроприации землевладельцев? Надо полагать, что экспроприация промышленности также производится за выкуп. Чем же промышленники хуже землевладельцев? В таком случае экспроприированные должны взаимно покрывать издержки по экспроприации из процентов по облигациям. Кто же платит эти проценты? Очевидно, новый собственник материальных условий производства—рабочий класс. Вот какова хитрая механика Бауэра!

Интересно, как рисует себе числящийся в социалистах автор перспективу дальнейшего развития с. х.

Захват власти пролетариатом улучшает материальное положение пролетариата, поэтому он не будет нуждаться в участке земли. Вследствие этого мелкие участки, освободившись от лежавших на них пут в виде более высокой арендной платы сравнительно с крупным производством, согласно закона централизации капиталистического производства, будут поглощены крупным хозяйством. «Сильная способность крупного хозяйства к расширению... неизбежно станет невыносимой для народных масс. Они не смогут спокойно глядеть на расширение капиталистического предприятия в сельском хозяйстве в то время, когда в промышленности, в горном деле и лесном хозяйстве капитал уже экспроприирован. Таким образом, рано или поздно история принудит к экспроприации и крупного с.-х. владения» (стр. 206).

Бауэр знает лишь один путь развития с. х., путь капиталистический, тернистый и разорительный для мелкого производителя; социалистического пути развития он не признает. Поэтому с своей точки зрения он поступает правильно, предлагая экспроприировать крупные хозяйства лишь по «принуждению» истории. Соответственно этому взгляду он предлагает и вновь экспроприированные хозяйства сдавать в аренду, а не передавать организованным с.-х. рабочим. «С.-х. рабочие, вступившие в классовую борьбу гораздо позже промышленных рабочих, еще не успели в достаточной степени приобрести интеллектуальные и моральные качества» (стр. 207). Что же мы видим? Мы видим, что ни захват власти пролетариатом, ни экспроприация крупного производства и земли не создают еще Бауэру материальных условий для строительства социализма. Да социализм Бауэр и не собирается строить. Проблемы *строительства* социализма для него вообще не существует в природе, ибо он надеется, что колесница истории на крыльях капитализма *сама* принесет его к вратам социалистического рая.

На протяжении последних глав книги автор говорит о завоевании власти пролетариатом, завоевании, которое и явится первым актом экспроприации помещичьих и церковных земель. Но, твердя и повторяя о завоевании власти, Бауэр в своей книге умалчивает о методах захвата власти. Этот вопрос обходится и аграрной программой, принятой в ноябре 1925 г. партейтагом австр. с.-д. Мы уже говорили, что вся концепция О. Бауэра рассчитана на медленное врастание капитализма в социализм.

Поэтому на первый взгляд может показаться, что автор противоречит себе, говоря о завоевании власти.

Это сомнение разрешает проект «Новой программы», недавно опубликованный австрийской социал-демократией. Он вносит полную ясность. Составители проекта новой программы мыслят себе захват власти путем победы на выборах в парламент и завоевания в нем большинства, а не путем революционного восстания и разрушения старого государственного аппарата, как учит марксизм.

Так «использовывает» Бауэр опыт «победы большевизма в России и поражения социализма в Европе».

Таков Бауэр и такова его «Борьба за землю». Она лишний раз показывает, что реформисту не дано прыгнуть выше своих оппортунистических ушей. Поистине: «рожденный ползать, летать не может».

Д. Эльмень.

РЕЦЕНЗИЯ ДЫБОМ.

На страницах журнала «Большевик» (№ 21—22 за 1926 год) помещена рецензия о моей книге «Право», которая отличается чрезвычайно любопытными чертами. Достаточно сказать, что автору рецензии путем различных манипуляций удалось получить из моей книги выводы, которые прямо противоположны имеющимся в ней на самом деле. К сожалению, редакция «Большевика» ограничила меня для моего анализа сравнительно небольшим местом на страницах журнала, и я должен обойтись самым необходимым, оставив пока в стороне самого автора рецензии в качестве об'екта для социально-психологического исследования. В виду сказанного, я попробую прямо сопоставить материал, находящийся в моей книге, и те отражения указанного материала, которые явились в мозгу досужего критика.

Для этого на левой стороне страницы мы будем помещать действительные данные из моей книги, на правой—выводы и заключения

критика, а также его передачу материала и отношение к последнему. В таком случае у нас получается следующее сопоставление:

У меня в книге: | **У критика:**

1. В самом начале книги устанавливается основная задача исследования и цель его. В качестве такой задачи намечается борьба против излишнего увлечения правовыми иллюзиями, при чем вопрос ставится так: «нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы?» (стр. 34).

Этого вопроса автор рецензии не заметил вовсе.

Из начала моей книги рецензент использовал лишь обоснование этого вопроса. Но при помощи ловкости рук он его превратил в вывод всей моей книги. Вся работа по проверке вопроса сделалась излишней. Начало превратилось в заключение, и вся книга перевернута кверху ногами.

2. Для решения поставленного выше вопроса я прибегнул к сравнительно-историческому методу. Буквально сотни страниц изложения посвящены передаче фактов, при чем я использовал не только сборники материалов, но и первоисточники.

2. Все эти данные по сравнительной истории права критиком превращены в «цитаты» из писателей второй половины XIX века. О чем говорится в этих цитатах, критик благоразумно умалчивает. Еще менее замечает он данные из первоисточников, они исчезают вовсе. Путем такой подделки сравнительно-историческое исследование превращается в «формально-логические умозаключения». Я становлюсь «юристом по профессии», а мое изложение—воплощением «формально-логического метода», «формальной логикой» и т. п. Мало того, лишив при помощи прямой утайки всю книгу фактического содержания, рецензент упрекает автора книги за отсутствие фактического материала! Фальсификация совершенно неслыханная, и прием беспримерный.

3. В моей книге на сотнях страниц производится как раз марксистский, классовый анализ права. Достаточно сказать, что целые главы посвящены исследованию классового права крестьянства, буржуазии, дворянского землевладения и пролетариата.

3. Этих глав рецензент не заметил совсем, но зато решил поучить меня и обратить мое внимание «на классовый характер права»! У читателя «Большевика» может получиться впечатление, что действительно в моей книге ничего о классовом праве не говорится. Как назвать подобную мистификацию партийного читателя журнала? Неужели критик думает, что, кроме него, никто моей книги не читал?

4. Целая глава моей книги посвящена учению Маркса, Энгельса и Ленина о праве. В этой главе с их учением о праве сближается и совпадает та теория права, которая выставлена была Лафаргом, развита в настоящее время мною и целиком оправдывается приведенными в моей книге многочисленными историческими данными.

4. Рецензент опять-таки этой главы не пожелал принять во внимание. Как будто ее совершенно не было. Марксизм исчез из моей книги окончательно.

5. В моей книге развито то положение марксизма, которое рисует возможность расхождения идеологической надстройки и экономического базиса. В частности, принимая определение Маркса—Ленина, что право есть право неравенства, уравнивающее неравных индивидов при помощи фиктивного равенства, т.-е. создающее над фактическим неравенством «равное право», я исследую на протяжении всей истории эту правовую идеологию и отмечаю ее способность прикрывать, затушевывать и ослаблять классовый антагонизм в интересах эксплоатации со стороны господствующего класса.

5. Мой критик совершенно не подозревает о различии между экономической структурой и правовой надстройкой, как одной из форм идеологической надстройки вообще. Точно так же он не подозревает о различии между организацией правовой и политической, между государством и правом. Здесь мы встречаемся определенно с результатами плохой школы, которую сделали у нас некоторые течения советской юриспруденции. В результате мой критик совершенно отождествляет правовой компромисс с компромиссом классовым, а борьбу против правового компромисса, грозившего в свое время ослабить диктатуру пролетариата, принимает за борьбу против самой диктатуры пролетариата. Получается совершенно обратное отношение к тому, что имеется в моей книге. Борьба против правовой иллюзии за диктатуру становится кверху ногами и дает борьбу за право против диктатуры. Примечания излишни.

6. Основательность моих опасений по отношению к излишней юридизации, формализации и т. п. свойств правовых увлечений я доказал при помощи всей моей книги, при чем я пришел к убеждению, что везде, где шла речь о выработке классового права и этим путем более или менее исчерпывалось решение классовой задачи, являлась неизбежная тенденция к нахождению «общей почвы» права и созданию правового компромисса. С этой стороны правовая форма есть наилучший путь ко всякому ликвидаторству, соглашательству и примиренчеству.

6. В этом пункте с моим критиком произошло что-то неладное. Прежде всего классового права во всей моей книге он не заметил. Он выхватил одно междуклассовое право и придал ему, вопреки всем моим выводам и утверждениям, характер междуклассового компромисса. Этим самым из противника классового компромисса он превратил меня в сторонника классового компромисса. Мне, врагу иллюзии междуклассового права, он приписал какой-то нелепый и отвратительный «восторг» по поводу нахождения междуклассового права. Этим путем было легко приписать мне свойство, ко-

Классовое право есть лишь первая ступень диалектики, которая во всех исторически известных нам примерах заканчивается фикцией междуклассового и надклассового права, прикрывающего равным правом фактическое неравенство.

-торым я никогда не отличался, и сделать из меня какого-то не то папашу, не то дедушку Оссовского. Это называется: постановка дыбом.

7. Подробный анализ советских кодексов, в особенности же Гражданского Кодекса, привел меня к убеждению, что именно на страницах этого творения советских юристов имеется много оснований для фикций междуклассового права, затемняющих понятие диктатуры пролетариата и социалистического хозяйства. Не отрицая необходимости правовой надстройки со всеми ее дефектами в наш переходный период, я указываю в своей книге пути к тому, чтобы по возможности обезвредить необходимую нам юридическую ткань и ввести ее в пределы, диктуемые требованиями нашего строительства.

7. Этих положений мой критик опять-таки умышленно не заметил.

8. Материалы, собранные в моей книге, привели меня к более оптимистическим выводам, чем те основания, которые заставили меня поставить самый вопрос о праве в нашем государстве. И если я упоминаю о необходимости делать новую пролетарскую революцию в том случае, если бы с победой буржуазии нашу шею затянула петля буржуазного права, то на самом деле я прихожу к довольно отрадным выводам. В пролетариате и его диктатуре я вижу силу, способную опереться не на право, а на экономику и политику, а вместе с тем способную в союзе с крестьянством определить «то условие равноправия, которым пользуется частный товаровладелец рядом с коллективным производителем и товаровладельцем» нашего государственного социализма. «Равенство, — пишу я, — не должно никого обманывать. Оно наблюдается лишь в крайне узкой сфере, ограниченной обменом и мелкой промышленностью. На самом деле, за этим равенством стоит неравенство, ибо все капиталы, все средства производства находятся в руках трудящихся» (стр. 242).

8. Мое утверждение здесь очень не понравилось рецензенту. Как мы уже знаем, мою постановку вопроса несколько обостренную по самому существу дела, он превратил в конечное заключение и вывод. А из последнего он выхватил только одно слово о возможности новой революции в случае победы буржуазии с ее правом и прислал мне, как будто бы, кроме этого выхода, я не вижу никакого другого. То-есть опять — совершенно наоборот. Мой положительный вывод и воззрение на пролетариат превращены в свою противоположность. Мне приписан какой-то нелепый страх перед победами пролетариата. А волею критика на сцену выведено чучело, на котором затем мой критик и упражняет свои дарования.

Приведенных мной сопоставлений действительного содержания моей книги и работы над ней рецензента как будто достаточно для того, чтобы судить о характере самой рецензии. Она представляет собой произведение человека, менее всего пожелавшего ознакомиться с истинным содержанием книги и добросовестно передать его. Напротив того, все основное и существенное в моей книге не только пропущено, но при этом сделан вид, как будто такого содержания и вовсе не имеется. Можно подумать, что перед рецензентом был экземпляр, из которого не то детишки вырвали самые важные и нужные места, не то крысы с'ели. Но замечательнее всего, что критик, в непостижимой слепоте пропустивший мимо носа важнейшее содержание книги, делает затем меня ответственным за отсутствие им незамеченных мест. Признаться, я мог допустить все, что угодно, но с таким приемом встречаюсь буквально впервые.

М. Рейснер.

ПРОТИВ РЕЙСНЕРИЗМА.

Несмотря на то, что основная мысль «междуклассового—компромиссного» права проф. М. Рейснера в нашей рецензии (см. «Большевик» № 21—22 за 1926 г.) была сформулирована вполне отчетливо и выводы в достаточной степени аргументированы, профессор Рейснер в глубокой досаде счел нужным все же ответить. В виду того, что в положениях его ответа допущены снова глубокие противоречия и неправильные утверждения, мы считаем своим долгом перед читателями показать всю несостоятельность и вредность рейснеризма.

1. Фактический материал и формальная логика. В тезисе втором М. Рейснер обижается, что мы напрасно в его работе допускаем наличие «формально-логического метода», так как «сотни» страниц (т.-е. его труда. *А. С.*) изложения посвящены *передаче* (курсив наш. *А. С.*) фактов». В нашей рецензии было сказано, что М. Рейснер «на основании сопоставления цитат из историков права второй половины XIX века (Поста, Дареста, Мэна, Ковалевского и др.), при помощи формально-логических умозаключений» (стр. 129), т.-е. при помощи формальной «передачи» без надлежащей критики, путем отвлеченных конструкций, приходит к неправильным выводам. Проф. М. Рейснер, несомненно, знает, что со многими фактами известного историка Иловайского мы согласны, но никак не можем согласиться с их оценкой. «Сотни страниц (а в книге его лишь 275 стр. *А. С.*) изложения» М. Рейснера представляют набор цитат без должной марксистской критики. Это приводит автора к абстрактным построениям «своего-чужого-общего», применимым как для об'яснения доклассового, так и классового общества.

Для лучшей ясности приведем хотя бы такое сопоставление. «Буквально» передавая слова Дареста и Ковалевского, автор делает заключение, что «уголовное право» (стр. 43) и «суд» (стр. 64) существовали уже в доклассовом обществе родового строя. Ф. Энгельс по этому же поводу писал: «И какой чудной уклад этот родовой быт, несмотря на

всю его несложность и простоту. Нет ни солдат, ни жандармов, ни полицейских, нет дворянства, царей, наместников, губернаторов, *нет ни судей* (курсив здесь и ниже наш. *А. С.*), *ни темниц, ни процессов...*» («Происх. семьи, частн. собств...», стр. 31), так как «внутри родового союза не знают ни прав ни обязанностей» (там же, стр. 65).

Эти наглядные противоречия между М. Рейснером и Ф. Энгельсом безусловно приводят читателя к выводу, что для разрешения данной проблемы необходима не формальная «передача» Дареста, Ковалевского и др., а глубокое исследование, анализ и *марксистская критика*, чего нет в работе М. Рейснера. Простая «передача» чужих мыслей приводит к формализму, противоречивым утверждениям и формально-логическим конструкциям.

2. Сущность права. Прежде всего, пусть читатель простит за полемику по специальному вопросу. Памятуя слова т. Ленина, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад», в данном вопросе постараемся показать читателю и известный партийный интерес. По вопросу о сущности права между нами и М. Рейснером существуют непримиримые разногласия. Корень зла заключается в том, что М. Рейснер исходит «из понимания права, как одной из идеологических форм» («Право», стр. 252). Он рассматривает «право *лишь* (ниже курсив везде наш. *А. С.*) как один из подвидов общего вида идеологии» («Вестн. Комм. Акад.», № 1 за 1923 г., стр. 173). Значит, по мнению автора, право «лишь» идея, так же как «государственная власть, население и территория суть *лишь* понятия или идеи», ибо он «не может считать государственную власть чем-либо иным, как только идеей» (М. Рейснер—«Государство», часть 1, стр. XXXV). Из этого вытекает, что и классы являются «лишь» идеей.

По нашему мнению классы, государство, право, все это—не идеи, а реальности. Государство и право—это различные формы, порядки, системы, типы общественных отношений. «Различие типов отношений между людьми» (Бухарин—«Атака», стр. 96) необходимо иметь в виду при решении данных сложных проблем социальных явлений. Государство это такая форма или тип общественных отношений, сущность которых в классовом господстве и угнетении (Бухарин — «Атака», стр. 91), а право — такая система или тип общественных отношений, сущность которых в товарообороте суб'ектов—частных собственников (Стучка—«Рев. роль права», стр. 13.—Стучка—«Учение о гос. и конст.», 5-е изд., стр. 3—4, Пашуканис—«Общ. теор. права и маркс.», стр. 31 и 35).

Необходимо помнить, что идеологическая концепция государства и права заводит глубоко в дебри меньшевизма—экономизма, т. к. ею легко замазывается революционная роль права и государства и активность политической надстройки вообще, т.-е. обратное воздействие права и государства на экономическую основу.

Эта ошибка приводит автора и к ряду других. Говоря «о правовой форме, как об одном из способов представления»—зеркале (М. Рейснер—«Право», стр. 254), отражающем общественные отношения, автор разрывает содержание и форму. В философии на точке зрения такого разрыва стоят неокантианцы. Исходя же из принципов диалектики, мы получаем, что форма есть элемент содержания, форма есть переход формы в содержание, а содержание есть переход содержания в форму (Гегель—«Логика»). Поэтому, лишь не различая этой диалектической связи, единства и различия в мире реальном, можно утверждать об отождествлении формы с содержанием, права и государства—с экономическим базисом.

3. Междуклассовый компромисс и право. В тезисе шестом М. Рейснер возражает, что мы, якобы, его «из противника классового компромисса» превращаем в «сторонника классового компромисса». Должны отметить, что мы никаких превращений не производим, а лишь фиксируем выводы, полученные путем критического анализа из его писаний. Не отождествляя «правовой компромисс с компромиссом классовым» (см. тезис 5), по его словам, он признает лишь компромисс идей, иллюзий, а не классов. Но такое утверждение опровергается как марксистской логикой, так и его собственными трудами. Можно ли вообще представить себе наличие компромисса идей без компромисса реальных общественных сил: классов, партий и т. д.? По М. Рейснеру выходит, что сознание определяется не бытием, а существует самостоятельно, как «зеркало». Но и последнее «отражать» может только реальность, хотя бы в искаженном виде. Где тут логика самого автора?

В книге М. Рейснера—«Право» мы находим, конечно, не только рассуждения об «иллюзиях» и «идеях», но и о реальных силах—«классах». Приведем несколько цитат. «И борьба эта велась как рабочими, так и крестьянами во имя тех самых правовых требований, которые получили свое частичное воплощение в окончательном «компромиссе» (стр. 180). «Каждый компромисс их с капиталистами,—продолжает он,—был потому мирным договором двух борющихся сторон»... (стр. 182). В результате этого, по его словам, мы имеем «весьма пестрый состав того мирного договора, который на идеологическом языке заключается между отдельными классами» (стр. 31). Все это необходимо, по мнению М. Рейснера, для того «чтобы водворить некоторое *сотрудничество, мир и гармонию* в среде враждующих друг против друга классов» (стр. 31 и 32). Поэтому и в советской системе, по теории М. Рейснера, мы должны иметь «сотрудничество, мир и гармонию» классов, так как, по его же словам, имеем «междуклассовое право в республиках Советов» (стр. 209). Спрашивается, далеко ли от этого ушла платформа оппозиционного блока? Эти цитаты, по нашему мнению, никаких комментариев не требуют. Пусть проповедью «сотрудничества, мира и гармонии» классов занимаются представители II Интернационала, а это нам не по пути. Мы же продолжаем стоять на прежней точке зрения («Большевик», № 21—22, стр. 133—134). Вот к чему приводит теория «общего», «междуклассового» права.

4. Вопрос о «новой революции». Ответ М. Рейснера по этому вопросу (см. тезисы 7 и 8) не соответствует действительному содержанию мыслей, изложенных в его же книге. Оказывается, что он говорит «о необходимости делать новую пролетарскую революцию в том случае, если бы с победой буржуазии нашу шею затянула петля буржуазного права» (тезис 8). Против этого, конечно, никто и не спорит. Каждый сознательный рабочий великолепно понимает, что бороться против буржуазной авантюры необходимо. Вся философия в такой постановке очень конкретна и нам вполне понятна. Однако, автор не об этом говорит в своем труде. Вопрос заключается не в борьбе «против самой диктатуры пролетариата» (тезис 5), хотя в этом никто его и не упрекает, а в оценке нашей динамики, нашего роста. Говоря о религиозной идеологии он пишет, что «заквашивать на этом опиуме наш советский хлеб значило бы тащить далеко назад нашу революционную телегу и наносить ряд тяжелых ударов крепости нашей организации» («Право», стр. 35). Право «лишь» как идеология, по его мнению, если «не опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное снадобье», иногда слишком крепкий клей или замазка (стр. 35). «Мы,—продолжает он,—положительно захлебываемся в праве и правовой идеологии...» (стр. 36), т.-е. в этом клее, замазке... При чем «буржуазия может еще торжествовать свою идеологическую

победу», так как «наш государственный социализм, благодаря капиталистическому окружению, пользуется рынком, как аппаратом распределения» (стр. 244). Но так как торжество идеологической победы определяется, в конечном счете, экономикой, то пророчество замедления хода «врастания в коммунистическое общество» или же необходимости новой революции «для освобождения пролетариата от незаметно в'евшихся буржуазных сетей» (стр. 224) не может не являться результатом пессимизма и переоценки этого своеобразного «кулака» в лице «буржуазного права» в советской системе, хотя и в диктатуре автор видит «силу, способную опереться не на право, а на экономику и политику» (тезис 8). Еще бы!

5. Искажение марксизма в книге М. Рейснера. По словам М. Рейснера, целая глава разбираемой книги «посвящена учению Маркса, Энгельса и Ленина о праве», а рецензент «этой главы не пожелал принять во внимание» (тезис 4).

Для того, чтобы читатель мог судить о качестве предлагаемого в книге М. Рейснера марксизма, проверим лишь одно сопоставление.

В книге М. Рейснера: «У Маркса мы определенно читаем, «что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения», а, следовательно, и производство родового общества не представляет здесь никакого исключения», так как «где нет хозяйства, нет и права», что «мы должны заметить и относительно грядущего коммунистического общества» (стр. 247 и 248).

В работах Маркса и Энгельса: «Именно, что каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.» (Маркс—«К критике...», стр. 13), то-есть государство. По поводу же последнего говорится: «Государство заменило родовой союз»

Пропустив в цитате Маркса слова «формы правления и т. д.», он делает вывод, что каждая форма производства имеет право. К такому выводу на основе приведенных цитат без их искажения притти, конечно, нельзя, так как «...право развилось вообще лишь из частной собственности и товарного производства» (Ф. Меринг—«Ист. герм. соц.-дем., т. II, стр. 291). Поэтому утверждение автора, что «там же, где имеются первичные семейные и родовые сообщества, там вполне возможно и право» («Право», стр. 249) не соответствует марксистской теории, ибо «на этой ступени общественного развития не может быть речи о праве в юридическом смысле» (Ф. Энгельс — «Происх. семьи, частн. собств. и гос.», стр. 13).

Следовательно, по учению марксизма говорить о наличии права можно лишь там и тогда, где и когда возникают отношения частной собственности и отношения обмена.

После всего изложенного выше, говорить о марксистской выдержанности в книге М. Рейснера не приходится.

Заключение. Прежде всего необходимо отвести упрек автора по нашему адресу за пропуск в рецензии «всего основного и существенного» в его книге. Должны отметить, что мы имеем в виду не пересказ книги М. Рейснера, а критику основной его мысли. Мы остановились на проблеме «междуклассового, компромиссного» права и путем критического анализа показали читателю, как на основе неправильных теоретических предпосылок можно притти к неправильным и даже вредным политическим выводам. Поэтому мы и считали необходимым выступить против попыток замазывания действительной сущности вещей.

Тов. Ленин на протяжении всей своей жизни учил нас, как надо бороться за чистоту пролетарской теории, ибо «без революционной теории не может быть и революционного движения». Такой революционной

теорией является марксизм-ленинизм. За чистоту марксизма-ленинизма мы будем бороться, несмотря на то, что наши противники часто скрываются под маской «самой настоящей классовой» («Право», стр. 20) и «подлинной теории Маркса и Энгельса» («Право», стр. 248).

Переходим к философской и политической оценке учения проф. М. Рейснера.

Необходимо отметить, что «за последние годы у нас в марксизме сложились две группировки: одна... *ревизионистского* характера и другая группировка, стоящая на почве *революционного* ортодоксального марксизма» (А. Деборин—«Наши разногласия» в «Летописях Марксизма», т. II, стр. 3). Группа ревизионистов образовала «своеобразный блок из *фрейдистов*, бывших и настоящих *махистов*, из молчаливых и говорящих *эмпиристов* и *механических материалистов*» (там же, стр. 14). Среди ряда проблем ими выдвигаются такие вопросы как: реален ли общественный класс, существует ли единство между формой и содержанием, сводится ли психическое к физическому и т. д.?

М. Рейснер в своих философских построениях дал наглядный пример приведенной выше платформы ревизионистов. К спору о реальности класса необходимо лишь прибавить категорические утверждения М. Рейснера, что территория, население, государство, право и т. д. «лишь» *понятия, идеи*,—и мы получим подлинный ревизионизм. С другой стороны, упрекн нас в отождествлении формы с содержанием, исходя из механической связи, он не замечает существующего единства и диалектической связи между формой и содержанием. И это—ревизионизм. В конечном результате его философия завершается чисто-фрейдистскими построениями. Пусть будет читатель сам судьею. Исходя из индивидуалистической теории «интуитивного» права Петражицкого, оперируя лишь понятиями, идеями и иллюзиями права и государства, отрывая правовую форму от экономического содержания, исходя из механической связи между ними, он попал в психологическое болото фрейдизма.

«Другой *подсознательной* формой организации массового поведения,—говорит М. Рейснер,—является подражание» (проф. М. Рейснер — «Проблемы соц. психологии», стр. 76).

В качестве примера такого «подсознательного» подражания он приводит: «В современной Европе нельзя не видеть *господства подражания* даже в форме борьбы с социальной революцией. Организованный первоначально в Италии фашизм с быстротой заразы охватил все черные силы европейского континента и Америки» (там же, стр. 78). Выходит, что поляки фашизм соб'езьянничали у итальянцев, литовцы у поляков, а латыши у тех и других. Где тут марксистская и революционная постановка вопроса? Проф. М. Рейснер не замечает, что дело вовсе не в подражании, а в сходстве экономических условий и классовых соотношений. Поэтому, причину распространения фашизма необходимо искать в хозяйственном развале и отсюда в необходимости поддержания политического господства мерами голого принуждения.

Другой пример: «Чрезвычайно важен момент подражания при междуклассовых отношениях, при чем господствующий класс, становясь предметом подражания, естественно смягчает классовую ненависть и внедряется бесчисленными корнями в быт и нравы эксплоатируемых и получает характер чего-то *высшего, лучшего*, а вместе с тем и *оправдание* своей эксплоатации» (там же, стр. 77). Следовательно, этими словами говорится рабочему классу, что он, стремясь к чему-то лучшему, подражает буржуазии и этим «смягчает классовую ненависть» и оправдывает свою эксплоатацию. С этим сознательный рабочий, конечно, не согласится.

Оружие буржуазии он постарается использовать не для смягчения классовых противоречий и оправдания своей эксплоатации, а для борьбы за уничтожение всякой эксплоатации.

Все это—непосредственный вывод из теории междуклассового компромисса, «который на идеологическом языке заключается между отдельными классами» для водворения сотрудничества, мира и гармонии...

Политический вывод здесь ясен, ибо эта философия заводит в болото оппортунизма.

В общем, перед нами своеобразный ревизионизм, бороться против которого—наша обязанность.

А. Стальгевич.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.